ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 53 (2436) Суббота, 3 июля 1948 г. Цена 40 коп.

По-большевистски наладить книжную торговлю

На все языки народов Советского Союза переведены бессмертные творения корифеев марксизма. Сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» разошелся в нашей стране колоссальным тиражом: 33,5 миллиона экземпляров! Произведения классиков русской литературы, книги советских писателей, научные труды выходят многотысячными тиражами.

За годы сталинских пятилеток в нашей стране произошла невиданная в истории культурная революция. Весь народ приобщается к сокровищнице марксистско-ленинской науки. Книга — орудие коммунистического воспитания трудящихся; книга — наставник, друг советского человека в его титанической борьбе за коммунизм.

В 1947 году один только Когиз продал книг на 935 млн. 200 тысяч рублей. Книжные магазины Москвы и Московской области продали в прошлом году более 32 миллионов экземпляров книг — на пятьдесят процентов больше, чем в 1936 году.

После войны советские книгоиздательства развернули напряженную деятельность. Еще более возросли тиражи политической, научной и художественной литературы.

Но почему повсеместно слышны жалобы на отсутствие хороших книг? Почему тысячи советских читателей тщетно ищут и не могут найти нужную им литературу?

Товарищ Сталин на XVII с'езде партии говорил: «У нас бывали случаи, когда товаров и продуктов было не мало, но они не только не доходили до потребителя, а продолжали годами гулять в бюрократических закоулках так называемой товаропроводящей сети — в стороне от потребителя». Эти слова товарища Сталина целиком относятся к нынешнему состоянию книжной торговли, к работе Когиза.

Когиз после войны не восстановил свою книготорговую сеть. Отсутствие книжных магазинов во многих районных центрах, особенно Средней Азии, Белоруссии, Молдавии, привело к противоречию работы Когиза со все возрастающим выпуском книг, с культурными запросами населения. Естественно, что это повлекло за собою затоваривание книг на базах Когиза.

В книготорговой сети много отличных работников, книголюбов, энтузиастов своего благородного дела. Работа стала для них призванием, ей они отдают все силы, они — добрые друзья читателей, внимательные проводники их в безбрежном мире книг. Работник книжного прилавка — советский интеллигент, он обладает, как правило, более или менее серьезными знаниями, порою беседа его с покупателями превращается в консультацию. «Другом учителей» называют московские педагоги работника магазина № 46 К. П. Пушечникову, сорок лет проработавшую за книжным прилавком. В районном городке Торопец, Великолукской области, 20 лет бессменно заведует магазином Б. Н. Деулин, уважаемый всем населением книжник. П. Т. Веселов из Солнечногорска, директор Куйбышевского библиотечного коллектора И. С. Зубанова, ульяновский киоскер О. П. Волкова, симферопольский книжник К. Ф. Кирсанов и другие горячо любят свою профессию, пропагандируют ценные, политически актуальные книги, энергично продвигают литературу в массы трудящихся.

Но есть в книготорговой системе равнодушные «служаки», забывшие об ответственности перед жаждущим знаний советским читателем, люди с «рыбьей кровью». Сегодня писатель П. Замойский с негодованием рассказывает нашим читателям о том, как в Пензе книготорговые чиновники тт. Кузнецова и Громов в юбилейные дни, посвященные памяти В. Г. Белинского, ухитрились «заморозить» на складах, спрятать от читателей книги о великом русском критике. Этому нет оправдания! Трудно отыскать более позорный пример отрыва работников книготорговли от духовной жизни советского народа, от культурных запросов читателей.

В годы войны книги выходили ограниченными тиражами и, разумеется, раскупались молниеносно. Это приучило многих работников Когиза к самотеку, к беспечности. Хорошую книгу легко продать в Москве, но задача в том и состоит, чтобы доставить ее также в глубинные районы, в дальние уголки нашей необ'ятной страны. У Когиза нет твердой перспективы, точного расчета в работе, он механически распределяет книги по своим республиканским и областным отделениям.

До войны тиражная политика издательств определялась заказами местных книжных магазинов. Краткая аннотация новой книги включалась Когизом в бланк заказа. Десятки тысяч таких бланков заказов рассылались по стране; работники книготорговли выясняли требования, запросы покупателей и давали через Когиз издательствам точный заказ. Эта система заказов — основа культурной советской книготорговли — до сих пор не восстановлена Когизом. Издательства работают в отрыве от книжного магазина, от потребителя, а Когиз механически скупает тиражи, рассылает книги своим отделениям, не зная нужды книжного рынка.

Законное требование миллионов советских читателей: присылайте нам книги по почте! Должен быть установлен незыблемый порядок, чтобы каждый заказ на книгу из села, из отдаленных районов был точно, быстро выполнен. Сельские врачи знают адрес московского магазина «Советская медицина» (Кузнецкий мост, 4), директора В. П. Зачесова, 43 года работающего с медицинской книгой. Только в июне магазин послал по почте врачам 3.180 книг. Но почему так работает всего лишь один магазин? Почему отдел «Книга—почтой» влачит в системе Когиза жалкое существование? А ведь до войны многие тысячи читателей были тесно связаны с этим отделом, получали по почте бесперебойно нужные книги. Одна из первейших задач Когиза — развернуть работу отдела «Книга—почтой», восстановить сеть магазинов, киосков. Хороший пример дает в этом отношении Советская Армия: по приказу начальника Тыла Вооруженных Сил СССР, в каждом лагере этим летом открыт книжный киоск. Вот ясный путь в работе: **в каждом районном центре незамедлительно должен быть открыт книжный магазин.**

Разумеется, одни Когиз не может справиться с этими задачами. Дело чести партийных и советских организаций—помочь советским книжникам в продвижении книги читателям, в организации культурной советской книготорговли. На местах есть еще случаи недопустимого, безобразного отношения к книготорговле. В Хабаровске заместитель председателя горсовета тов. Костко выселил библиотечный коллектор, — двери взломали, книги свалили в сарай, — и приказал открыть в доме магазин электроприборов. С 12 мая библиотеки края не получают книг. Даже статья в «Известиях» не помогла,—Костко упорствует, не хочет вернуть помещение коллектору. В Кишиневе республиканская контора Когиза недавно тоже выселена,—дом занят жильцами. Два месяца назад «Литературная газета» в статье «В поисках книжного магазина» сообщала о закрытии магазинов в Улан-Удэ, Владивостоке, Тамбове, во многих районах Калужской области. Что изменилось за это время? Возвращены ли помещения книготорговым организациям? Горсоветы молчат, они практически ничего еще не сделали по перестройке книжной торговли.

Не только требовать от Когиза, но и помогать ему быстро налаживать книжную торговлю, активно пропагандировать книгу — вот долг районных организаций.

Надо широко развернуть информацию о наличии литературы в книжных магазинах, печатать в местных газетах, передавать по радио списки, аннотации новых книг, рассылать читателям каталоги, листовки.

Владимир Ильич Ленин еще в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература» писал: «Издательство и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полу-обломовского, полу-торгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает».

Советские книжники—работники идеологического фронта. Партия поставила их на важный участок коммунистического воспитания, политического и культурного образования, просвещения народа. Книга помогает советским людям бороться за пятилетку: инженерам, стахановцам — повышать производительность труда, внедрять новую технологию; колхозникам — собирать высокие урожаи на больших площадях; сельским интеллигентам — нести знамя социалистической культуры, укреплять колхозный строй, бороться с частнособственническими пережитками. Весь советский народ учится, настойчиво, упорно овладевает всепобеждающим учением Ленина — Сталина, богатствами социалистической культуры. Духовные запросы советских людей многообразны. Важнейшая задача дня, требование миллионов — продвинуть книгу в гущу народа, решительно, по-большевистски наладить книжную торговлю, помочь трудящимся в политическом и культурном просвещении, в их страстной тяге к книге.

На командном пункте

Полсотней косарей, работавших в имении Левина из «Анны Карениной», вполне мог управлять неграмотный староста. На пахоте в «Гремячьем Логу» Давыдов из «Поднятой целины» уже должен был задуматься над организацией труда; он только тогда добился высокой производительности, когда сумел правильно расставить пахарей, дать каждому из них индивидуальную норму.

Чтобы управлять современным колхозом, надо обладать и большими знаниями и значительным опытом. Недаром во многих колхозах в качестве их постоянных членов уже работают дипломированные специалисты: агрономы, зоотехники, овощеводы.

Механизация сельского хозяйства в нашей стране изменяет все представления о производительности труда, приближает сельскохозяйственный процесс к индустриальному, требует иной расстановки рабочей силы и высвобождает значительную ее часть для освоения других отраслей. Создание системы машин требует также значительного совершенствования методов управления сельским хозяйством.

Представьте себя на минуту директором МТС накануне весеннего сева. Все подготовительные работы проведены хорошо: тракторы и машины отремонтированы и находятся в бригадах, заключены договоры с колхозами, составлены рабочие планы для каждой бригады и т. д. Можно, казалось бы, быть спокойным. Однако завтра начнутся работы, и завтра же появится тысяча вопросов, которые надо будет оперативно и толково решать. Пройдет дождь или, наоборот, задержатся ночные заморозки, поломалась машина, вышла задержка с горючим, заболел тракторист...

Чтобы устранить задержку, чтобы организовать работу, директор МТС и его помощники выезжают в бригады и колхозы. Без них в МТС срочные вопросы решить нельзя. Приедет бригадир тракторной бригады за 20 километров и ждет в конторе целый день директора или безуспешно пытается связаться с ним по телефону.

Поэтому накануне сева или уборки, или в любой иной период директор МТС не может быть спокоен, даже если предстоящая работа хорошо продумана и подготовлена. Естественным его желанием является иметь такой аппарат, при помощи которого он смог бы в любую минуту видеть все тракторы, знать, что они делают, слышать любого тракториста и разговаривать с ним.

И вот современная техника позволяет иметь такое оборудование, в большем числе МТС, а в ближайшие годы, очевидно, позволит иметь его и во всех МТС.

На помощь агроному, технику, директору МТС, которые обычно раз'езжают по полям, приходит диспетчер.

В диспетчерской комнате МТС устанавливается портативная полевая радиостанция. Такие же радиостанции имеются в каждой тракторной бригаде. В любое время бригадир может включить свою рацию и разговаривать с диспетчером. Понадобилась ли ему консультация агронома или механика, нужно ли разрешить тот или другой спор, получить запасную часть, — все эти вопросы могут быть разрешены быстро, без задержки.

Практика МТС, освоивших диспетчерскую систему: Деминской — Сталинградской области, Петровской — Ставропольского края, Каширской — Московской области и многих других, показывает, что применение двусторонней радиосвязи делает оперативное руководство четким и действенным. Вопросы разрешаются быстро, простои тракторов и машин резко сокращаются, а производительность и качество работ повышается.

Однако не только в этом заключается работа диспетчера и сущность диспетчерской системы. Руководители МТС должны представлять себе в любой момент общую картину работ. И они видят ее. Диспетчер связывается с тракторными бригадами по расписанию два-три раза в день и получает все необходимые сведения.

Вот, например, утренняя передача. Начинается она обычно в шесть часов. По графику в разговор поочередно включаются все тракторные бригады. По вопроснику они передают сведения о работе ночной смены, докладывают о состоянии тракторов и машин, о запасе и расходе горючего...

Диспетчер все это записывает и в свою очередь передает бригадирам распоряжения директора и специалистов, попутно решает те вопросы, которые можно быстро разрешить, — у него под рукой телефон внутреннего коммутатора, и он легко связывается с основными цехами МТС.

Передача окончена, диспетчер быстро обрабатывает материал и готовит доклад директору, представляя его в наглядной и удобной форме. Для этого он имеет необходимое оборудование и в первую очередь так называемую диспетчерскую карту. Это — подробная карта колхозов, обслуживаемых МТС, на которой в крупном масштабе нанесены границы полей, бригадных участков, звеньев, дороги, пруды, размещение бригадных станов. Карта лежит на столе, и на ней расставлены металлические фишки, напоминающие шахматные фигуры. Вот фишка, похожая на ладью,—это условное изображение гусеничного трактора «ХТЗ-НАТИ». Кубик означает трактор «Универсал», усеченная пирамида — комбайн «Сталинец» и т. п.

В верхнюю часть фигуры вставлен кусочек пробки, а в нее на булавке воткнут цветной флажок. Красный цвет означает, что трактор исправен и работает, черный— что он стоит из-за поломки, зеленый — если трактор проходит ремонт по плану, желтый — нет горючего и т. д.

И вот диспетчер, имея точные сведения о состоянии всех агрегатов, быстро расставляет фишки на карте в тех местах, которые соответствуют действительному размещению тракторов. Через пять минут можно наблюдать полную дислокацию тракторного парка и знать, в каком состоянии он находится.

Но надо не только видеть расстановку тракторов, но и знать результаты их работы. Это достигается с помощью простых графиков, размещенных на стене. График— это фанерная доска, на которой четко нанесена сетка для определения процентов от нуля до ста. Снизу вверх по этой доске могут передвигаться цветные ленточки или окрашенные палочки, каждой из которых присваивается либо номер трактора или бригады, либо название колхоза, в зависимости от того, какие цели график преследует. Передвигая палочки, мы можем по верхней их грани прочесть процент выполнения работы, название которой пишется на графике вверху.

Директору МТС, после поездки по колхозам, достаточно беглого взгляда на график, чтобы представить картину всей работы.

В определенное время в диспетчерскую сходятся все руководители МТС. Короткий доклад диспетчера, десятиминутное совещание,—и вот уже выработан оперативный план работы на день, каждый специалист получил конкретное задание, в выполнении которого он отчитывается в следующую встречу.

Показатели, собранные диспетчером, позволяют быстро составить эстафету о ходе социалистического соревнования и в тот же день сообщить ее во все бригады.

Теперь уже не страшно, что все специалисты раз'едутся из МТС. Диспетчер знает маршрут каждого из них и в любое время может с ними связаться, получить нужное указание.

Все, как видно, очень просто. И вместе с тем эта простая система позволяет поднять оперативную работу МТС на высшую ступень.

Н. АЛЕКСАНДРОВ,
научный сотрудник Научно-исследовательского института земледелия им. Докучаева

П. ЗАМОЙСКИЙ — ОТ ЧИТАТЕЛЯ ПРЯЧУТ КНИГИ

Вспоминаю из дальних лет...

— Тряпичник едет! — весело кричат ребята и мчатся навстречу медленно движущейся кибитке. Лошадь идет тихо, а хозяин, чудаковатый, то и дело покрикивает. Из домов и ветхих изб выходит все сельское сословие.

Чего только нет в маленькой кибитке! Женщины найдут там иголки, вязальные спицы, веретена, пуговицы, крючки к одежде, нитки; девушки — дешевые кружева, кольца, серьги, бусы. Малыши выпросят у матери купить им пряник, сладкий корешок или глиняную свистульку. Нам же, подросткам, любителям чтения, нужны книжки...

Мы складываем вместе свои гроши или тряпье и кости, покупаем одну «толстую» книгу. Читаем ее или по очереди, или кружком, вслух. Наш «кружок» любителей книг никем не организован. Наоборот, мы часто скрываем его от родителей. Чтение в те годы не поощрялось, а считалось непростительным бездельем.

...Минули те времена, когда нам, деревенским парням, приходилось украдкой, забравшись на полати с книгой, а то уйдя в поле, «проходить университеты». Сельская молодежь ныне в большинстве окончила семилетние и средние школы. Книг стало гораздо больше. И читатели у нас—не одиночки. Читателем стал весь народ.

Книги в нашей стране пользуются огромным спросом, за ними едут в Москву, часто перекупают из вторых рук. Даже самые большие тиражи далеко не покрывают требований читателей. В библиотеках за книгами очереди.

Да, читатель книги ищет и... зачастую не находит. В чем же дело? Известно, что недостаточно написать произведение, мало издать его, надо еще доставить книгу в руки читателю. На пути к читателю находится совершенно необходимое учреждение — книготорговая организация. Короче не скажешь: Когиз!

Это очень важное и весьма ответственное учреждение. Без него бессильны писатель и издательство. Могучая организация! Дело, порученное ему, — благородное, государственное. Не роль посредника-торговца должны исполнять люди Когиза и Союзпечати, а быть проводниками идей коммунизма среди советских людей. Не ледяными глазами обязаны они взирать на свой «товар», а должны любить книгу. Книга издается не для того, чтобы лежать ей в подвалах. Еще пахнущая краской, книга птицей должна лететь к читателю!

Нас часто спрашивают читатели, где и как достать нужную книгу? Негодуют, что малы тиражи. Это отчасти верно. Но никому из читателей, вероятно, и в голову не придет, что зачастую книги лежат на складах некоторых Когизов. Благо, это не мясо, не молоко — скоро не портится...

Мне пришлось узнать о деятельности пензенского Когиза.

В настоящее время в Пензе организована литгруппа из 15 человек. За этот год Пенза выпустила 3 альманаха «Земля родная», которые получили хорошую оценку критики. Здесь имеется областное издательство. Пензенский обком партии повседневно занимается делами литературы. В Пензе работает талантливый художник — орденоносец И. С. Горюшкин-Сорокопудов. А кому неизвестна серия рисунков «Белинский в жизни» пензенского художника Б. Лебедева? Его альбом из 53 великолепно выполненных рисунков вышел в Москве, а еще раньше—в Пензе.

Только что отметили 100-летие со дня смерти В. Г. Белинского. Из Москвы в Пензу приехала делегация академиков, писателей. Надо было видеть, сколько народа встретило их. При закладке памятника великому критику в Пензе собралось 40 тысяч человек.

В школах, клубах, театрах состоялись торжественные вечера. Но работники Когиза были хмурыми. До юбилея жизнь шла тихо, спокойно, а тут начали докучать, чтобы Когиз распространял книжки о Белинском, альманах и альбом Лебедева. Нет, не понравился пензенскому Когизу Белинский.

— Вы празднуйте сами по себе, а мы— Когиз и Союзпечать — сами по себе. Не будем распространять литературу о Белинском. Сами издали, сами и продавайте.

И не взяли. Ни единого экземпляра. Почему? Кузнецова, заведующая Когизом, изрекла так:

— Книги не берут!

Трудно придумать более наглую ложь. Прилавки книжных магазинов пусты, читатели настойчиво ищут книги, тянутся к знаниям, к культуре. Только политическая слепота помешала тов. Кузнецовой увидеть это.

Вмешался секретарь обкома партии тов. Колчин. Ему Кузнецова обещала:

— Из пяти тысяч альбомов возьму полторы.

Колчин поверил и был обманут. И полутора тысяч экземпляров Кузнецова не взяла. А между тем, спрос на альбом, альманах и книги был огромен. Я видел, как люди искали книги и не находили, ибо вся юбилейная литература лежала на складе.

Пришлось Облиздату прибегнуть уже не к Когизу и Союзпечати, а к помощи облОНО: вместе с ним разослали по школам 2.000 экземпляров. Вот и все.

Облиздат имеет в плане изданий на 1948 год несколько книг художественных произведений. Тираж каждой книги — 10.000 экземпляров. Бумага есть, типография есть, область крайне нуждается в книгах, но Кузнецова заявила:

— Больше пяти тысяч не возьмем.

Почему? Опять высокомерный ответ: «Книги не берут».

На-днях состоится заседание бюро Пензенского обкома партии. Будут заслушаны доклады «деятелей» Когиза — тов. Кузнецовой и Союзпечати—тов. Громова. Надо полагать, что обком найдет подходящие меры воздействия на этих закоренелых лентяев, радикально изменит всю систему торговли книгами, продвинет книги к читателю, особенно в сельские библиотеки, колхозы.

Не клевещите на советских читателей, тт. Кузнецова и Громов. Народ страстно жаждет книг. Организуйте торговлю книгами в районных центрах, в селах через магазины потребкооперации, возобновите отдел «Книга—почтой».

Читатели будут вам признательны за внимание, за то, что вы поможете получить им самое дорогое—книгу!

Забота о детях в СССР

8 июля исполняется четвертая годовщина со дня издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».

Корреспондент «Литературной газеты» обратился к начальнику Управления лечебно-профилактической помощи детям Министерства здравоохранения СССР тов. Гречишниковой с просьбой рассказать о том, как осуществляется этот закон.

— В 1947 году государство выплатило многодетным матерям свыше 5 миллиардов рублей, — заявила тов. Гречишникова. — Огромное внимание, уделяемое партией и правительством охране материнства и младенчества, характеризуется, в частности, тем, что Указ о расширении сети детских учреждений был издан в суровые дни Великой Отечественной войны.

За трехлетие, прошедшее после войны, мы не только восстановили большую часть существовавших ранее детских учреждений, но и значительно увеличили их количество. Неуклонно расширяется сеть женских консультаций, где врачи-специалисты наблюдают за здоровьем беременных женщин. Каждый новорожденный ребенок окружен заботой врачей не только в родильном доме, но и в домашней обстановке, в которой врачи детских консультаций продолжают следить за здоровьем ребенка до трехлетнего возраста. Затем медицинское наблюдение за детьми передается районным детским поликлиникам. В последний предвоенный год в Советском Союзе было 5.815 женских и детских консультаций, а сейчас более 7.500.

В помощь матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях, в городах и селах страны создана сеть постоянных яслей. Небезынтересно вспомнить, что в 1913 году в царской России было всего лишь 19 постоянных яслей на 550 мест, теперь же в СССР 800 тысяч мест для детей ясельного возраста, из них 150 тысяч мест круглосуточных. Для детей, слабых здоровьем, введены специальное диэтическое питание и санитарный режим.

В восстановленных и во вновь выстроенных за последние годы Домах ребенка воспитывается около 50 тысяч детей, лишившихся родителей.

За первые два года пятилетки на содержание детских учреждений было израсходовано около 7 миллиардов рублей, а в одном только 1948 году для этой цели ассигновано почти 5 миллиардов рублей.

Туристская база в Баку

Туристская база ВЦСПС открылась в Бакинском парке культуры и отдыха имени Низами. Первая группа экскурсантов, прибывших сюда, — московские учителя. Экскурсанты осмотрят исторические места города, связанные с революционной деятельностью товарища И. В. Сталина, побывают в музеях столицы республики. Из Баку туристы выедут в Тбилиси, затем направятся в Гори, Батуми, осмотрят ботанический сад на Зеленом мысу.

ПОМОЩЬ УЧЕНЫХ КОЛХОЗАМ ЛАТВИИ

Ученые Латвии оказывают практическую помощь молодым колхозам республики. В созданную по инициативе ЦК КП(б) Латвии и Академии наук Латвийской ССР бригаду помощи колхозам вошли ведущие ученые республики и крупные специалисты сельского хозяйства.

Цель бригады — помочь развертыванию колхозного движения в республике. Для изучения взяты три колхоза — «Накотне», Елгавского уезда, «Селия», Екабпилсского уезда и колхоз имени Сталина, Талсенского уезда. К каждой из этих сельхозартелей прикреплена группа ученых. Выезжая на места, члены бригады изучали условия развития колхоза, профиль его хозяйства.

Каждый понедельник в Академии наук происходят заседания, посвященные различным вопросам колхозной жизни.

Поход реакции против замечательного пролетарского писателя

За последнее время реакционные круги Дании начали ожесточенную кампанию против известного датского писателя Мартина Андерсена Нексе; по масштабам ее можно сравнить разве только с кампанией, поднятой против него фашистами в 1939—40 гг.

Травля Нексе является частью общего похода против прогрессивных писателей Дании, начатого по указке американских реакционеров.

Реакционные круги в самой Дании не могут простить Нексе, что еще в 1944 году он писал в новогоднем стихотворении, что народы сумеют залечить раны войны при одном условии—«если только мы не пустим опять чорта на пастбище, если мы не пойдем по старой колее, ибо это будет означать, что мы завоевали мир, чтобы притти к новой войне».

И теперь, когда датская буржуазия и правые социал-демократы, которых Нексе метко окрестил «донорами капитализма», «вновь пустили чорта на пастбище», Нексе, несмотря на свой преклонный возраст (26 июня ему исполнилось 79 лет), как и в течение всей своей славной жизни, попрежнему стоит в первой шеренге народных борцов.

Как только закончилась вторая мировая война и Нексе вернулся на родину после многолетнего изгнания, он ни одной минуты не помышлял об отдыхе. Он отправился в страны новой демократии, побывал в Германии. В своих статьях и выступлениях он гневно бичевал попытки западных держав расчленить Германию — «попытки, несущие в себе семена новой войны».

Этого было достаточно, чтобы реакция обрушилась на Нексе.

Недавно в Дании вышел трехтомник под названием «Датские подвиги». По словам составителей, цель сборника заключалась в том, чтобы «рассказать о тех подвигах, которые датчане совершили в своей или в других странах, подвигах, которые по своему значению вышли за пределы одной только Дании». В этом трехтомнике имеется и раздел литературы. В статье, посвященной этому вопросу, по словам составителя, указаны важнейшие произведения датской литературы, ставшие известными за пределами страны. Однако имя Нексе, единственного из ныне живущих датских писателей, пользующегося поистине мировой славой, не включено в сборник. Имя писателя, широко известного во всем мире, исключается из раздела «Датская литература» только потому, что он коммунист. Глубоко прав был датский писатель Гаральд Гердаль, назвавший «специалиста по датской литературе», писавшего этот раздел, мошенником, а самый факт замалчивания имени Нексе в этой связи — «неслыханной бесчестностью».

Это лишь одна из многих попыток вычеркнуть имя Нексе из датской литературы.

Недавно правление датского союза писателей под предводительством и по наущению Юлиуса Бомхольта, известного в прошлом своими нацистскими симпатиями, приняло резолюцию, отстаивающую якобы «свободу духа и свободу слова». На самом же деле это пасквиль, направленный против демократии и прогресса и содержащий грубую клевету на народ Чехословакии. В связи с этим Нексе обратился в союз писателей с требованием не считать его более почетным членом союза. К Нексе присоединились такие крупные прогрессивные писатели Дании, как Ганс Кирк, Ганс Шерфиг, Гаральд Гердаль. Они заявили, что не Юлиусу Бомхольту, который в течение всего периода оккупации был членом фашистского «немецко-датского союза», проповедовать свободу слова.

Это выступление Нексе и присоединившихся к нему 52 писателей привело в бешенство известную своей реакционностью газету «Информашун», которая разразилась передовицей «Бригада Нексе».

Нексе всегда призывал писателей быть «певцами и знаменосцами». Таким певцом и знаменосцем был и остался сам Нексе.

В связи с 79-летием выдающегося датского писателя Союз советских писателей обратился к Нексе с приветствием, подписанным Константином Симоновым, Николаем Тихоновым и Борисом Горбатовым.

«Сердечно приветствуем Вас от имени Союза советских писателей. Приветствуем как блестящего писателя и публициста, который верно служит своему народу и всему прогрессивному человечеству.

Передовые литераторы и народы мира знают Вас как непоколебимого борца против фашизма, против мировой реакции, возглавляемой монополистами США и их подручными в Европе — поджигателями новой мировой войны.

Нам особенно хочется тепло и дружески приветствовать Вас как своего соратника в борьбе за мир и счастливую жизнь народов, как писателя, борющегося за коммунизм.

Вас не должен огорчать вой наемных псов, своих и чужеземных реакционеров, которые, испытывая разящие удары Вашего пера, Вашего вдохновенного, страстного и правдивого слова, приходят в исступление.

Если весь этот сброд ругает тебя, Мортен Красный, значит, ты прав. Значит, ты стоишь на правильном пути твоей славной боевой жизни. Значит, слово твое вдохновляет народ на борьбу.

Стой и впредь так же непоколебимо на своем боевом посту, наш старый, неизменно юный друг. Здравствуй многие лета, ты, писатель, — воин той великой армии, которая борется и побеждает».

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Москва.** 196 литературных и художественных редакторов, инженеров-механиков и технологов окончили на-днях Московский полиграфический институт. Молодые специалисты направляются на работу в республиканские краевые и областные издательства.

◆ **Рига.** Триста картин и скульптур из фонда Третьяковской галлереи экспонируются на открывшейся здесь художественной выставке. За месяц выставку посетило более 12 тысяч человек.

◆ **Грозный.** 130-летие своего города отметили на-днях трудящиеся Грозного. Открытые в честь юбилея выставки посетили тысячи нефтяников и колхозников. Среди юбилейных экспонатов обращает на себя внимание документ об организации крепости Грозная генералом Ермоловым и материалы о пребывании в крепости Л. Н. Толстого в 1853 году. Здесь писатель подвергся нападению чеченцев. Эпизод этот послужил впоследствии сюжетом для повести «Кавказский пленник».

◆ **Сумы.** Вновь открыт домик-музей А. П. Чехова, в котором в 1888—1889 гг. жил писатель со своей сестрой Марией Павловной. Недавно Мария Павловна Чехова прислала письмо, в котором благодарит жителей города за восстановление музея.

◆ **Ашхабад.** Колхоз-миллионер им. Ленина Ашхабадского района вступил в число действительных членов-коллективов Общества по распространению политических и научных знаний Туркменской ССР.

Вера КЕТЛИНСКАЯ

ЛЕНИНГРАДЦЫ

1.

В эти дни солнце над Ленинградом почти не заходит, нежные зори сменяются в прозрачном пепельном небе, на взморье у островов допоздна бороздят воду лодки и звучат песни и смех молодежи. Белыми ночами кажется, что город не спит. Снуют вечные труженики — речные буксиры, пройдешь мимо безмолвных корпусов, и вдруг откуда-то из глубины завода донесутся звуки, а иногда полыхнет отсвет литья, — выдана очередная скоростная плавка...

Вступите ночью в тот особый мир, что называется «Ленинград — товарная-сортировочная», и вас сразу охватит деловое напряжение. Вы надолго запомните несуетливую поспешность озабоченных людей, гудки маневровых паровозов, тяжелое гудение отходящих эшелонов и то вспыхивающие, то гаснущие сигнальные огни — лаконичную речь железнодорожников. Повинуясь световым приказам, уходят в белесый сумрак северной ночи один за другим длинные составы товарных вагонов и платформ с грузами, зашитыми в ящики. Приглядитесь к надписям, выведенным мелом или краской на вагонах и ящиках,— «Азовсталь», Челябинск, Макеевка, «Запорожсталь», Нижний Тагил, Комсомольск-на-Амуре, Днепропетровск, Магнитогорск, Чиатура, Сталинск, Дебальцево... Кажется, нет такого города в советской стране, куда бы не уходили ленинградские грузы.

Здесь, на скрещении всех путей из Ленинграда и в Ленинград, возле зданий, еще хранящих следы артиллерийских обстрелов, как нигде чувствуется неиссякающая, нарастающая сила великого труженика — города Ленина и его плодотворная роль в преобразовании страны по планам послевоенной сталинской пятилетки.

Город-революционер, город-герой, город-новатор вступил в новый этап. Промышленный и научный Ленинград, партийные и общественные организации, сотни придирчивых глаз по-новому присматриваются к каждому изделию, отмеченному ленинградской заводской маркой. Дух критики и творческого беспокойства владеет умами и направляет волю.

У моряков есть термин: «вперед смотрящий». Так можно назвать Ленинград. Город, остановивший фашистские орды у своих стен и вынесший затем 900 дней беспримерной осады, еще в дыму сражения стал готовиться к восстановлению, к мирному труду. В еще простреливаемых немцами цехах, наряду со снарядами и минами, начали выпускать турбины для электростанций и оборудование для шахт освобожденного Донбасса. В городе, находившемся на линии огня, было создано ремесленное училище для подготовки лепщиков, позолотчиков и мастеров художественной отделки зданий. А когда Советская Армия опрокинула и погнала прочь фашистские дивизии, осаждавшие Ленинград, город буквально рванулся к созидательному труду. И труд стал живительной силой, залечивающей раны и избавляющей от усталости...

Вспомните, как это было радостно и удивительно, когда в конце первого года послевоенной сталинской пятилетки радио разнесло по стране весть, что Ленинград первым и досрочно выполнил годовой план! Герой войны стал героем труда. А ленинградцы уже смотрели вперед и бросили новый клич: выполним план второго года пятилетки к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции! И они выполнили план к этому сроку.

Народ наш чувствует себя хозяином страны и ответчиком за все ее дела и в труде проявил такую зрелость, что движение передовиков сразу приобрело невиданную массовость; типичным стало создание целых стахановских участков и цехов.

2.

Если бы Ленинград не был «вперед смотрящим», он мог бы почить на лаврах. Но ленинградцы видели, что дальнейшее продвижение вперед может задержать недостаток собственного сырья и топлива, недостаток электроэнергии. Как и подобает ленинградцам, они нашли смелые решения.

По широкому плану, принятому большевиками, создается северная топливно-энергетическая и металлургическая база, которая в ближайшие несколько лет освободит ленинградскую промышленность от дорогого дальнепривозного топлива и сырья. Уголь, руда, сланцы, торф — все будет служить Ленинграду. Как в годы первых пятилеток, когда на стройку Магнитки, Сталинградского тракторного, Комсомольска отправились тысячи добровольцев, — так теперь тянутся ленинградцы на стройку металлургического комбината, электростанций, торфопредприятий, шахт. В райкомах комсомола растут пачки заявлений: «Пошлите туда, где всего нужнее»...

На самих ленинградских предприятиях все пришло в движение — идет соревнование за честь ленинградской марки. «Не числом, а уменьем» побеждают ленинградцы. На третьем году послевоенной пятилетки техническое новаторство стало законом развития предприятий. Новые изделия ленинградцев должны быть новым словом в технике. Таковы 100-тысячные турбины, электро-копировально-фрезерные станки, расточные станки высокой скорости и точности, трелевочные тракторы, универсальные микроскопы.

Ленинградскую марку будут узнавать по новизне и совершенному качеству изделий.

3.

Истоки большого новаторского движения ленинградцев надо искать в речи товарища Сталина, обращенной к избирателям в феврале 1946 года. Гений вождя наметил пути для того, чтобы «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны».

Ленинградцы восприняли эти слова, как сталинское задание. Для сегодняшнего Ленинграда типично сочетание усилий науки и производства. Ленинград еще шире развернул сеть своих научно-исследовательских институтов и создал практическую почву для поисков, исследований и открытий. Когда фрезеровщик завода им. Свердлова тов. Борткевич разработал метод сверхскоростного резания, с ним связался профессор Соколовский, работающий над развитием скоростных методов обработки металла. Недавно в Ленинграде происходила научно-техническая конференция, об'единившая ученых и рабочих. Свыше тысячи человек, среди них триста делегатов из других городов, обобщили опыт скоростной обработки металлов.

Когда профессор Вологдин провел опыт применения токов высокой частоты, результаты этой работы были живо подхвачены рядом ленинградских предприятий и получили распространение не только в металлургии, но и в деревообделочной, фарфоровой и текстильной промышленности.

Стахановцы делают доклад перед учеными, ученые стали частыми гостями—нет, не гостями, а сотрудниками — предприятий.

Образцом отсталой техники была всегда добыча торфа. Сейчас торфопредприятия накануне технической революции. Уже есть под Ленинградом опытные, сплошь механизированные участки.

Наряду с распространением ряда новых методов литья и обработки металла, механизация трудоемких процессов является сейчас основной проблемой, над которой думают ленинградцы.

4.

Приближение коммунистического завтра становится все более ощутимым, зримым. Порой не замечаем мы, как сами растем. Нам уже не нужно особой зоркости, чтобы увидеть нового рабочего, совмещающего труд физический с умственной, творческой деятельностью. Сталевар Мурзич, фрезеровщик Савич и слесарь-изобретатель Зайченко с Кировского завода, лекальщики Одинцов и Барышников с завода автоматов, разметчик Дубинин с «Красного Выборжца» и Писарев с завода имени Ильича. Это быстро растущее племя — лучшая основа всех наших стремлений в близкое коммунистическое завтра. Ведь они и готовят, и торопят его, и они посылают в помощь созидательному труду своих товарищей во все концы страны замечательные машины, точнейшие приборы — все то, что каждую ночь уносят тяжело груженные составы, адресованные в Мариуполь, Енакиево, Таллин, Запорожье, Комсомольск-на-Амуре, Минск, Тбилиси, Петропавловск-на-Камчатке, Сталино, Боровичи...

На открывшейся в Москве Всесоюзной выставке народного творчества внимание посетителей привлекает монументальная картина «Последний немецкий рубеж». На картине — четыре подписи ее авторов: Петр Редечкин, Александр Шарков, Борис Родичев и Алексей Минаев. Все они — участники Отечественной войны и работают ныне на заводе «Компрессор». Художниками они стали тут же на заводе.

Каждый вечер на открытой веранде заводского клуба можно видеть большую группу людей, работающих у мольбертов: здесь идут занятия студии изобразительного искусства клуба завода «Компрессор». По воскресеньям студийцы выезжают «на натуру» — в живописные места Подмосковья. В остальные дни натурой им служит открывающийся с клубной веранды вид новой московской «окраины» — Дангауэровки. Одно из таких занятий изображено на снимке. Слева — руководитель студии А. Григорьев. У него учатся живописи заводские художники, в том числе и авторы картины, принятой на Выставку народного творчества.

Фото Н. КОЛЛИ.

Письма читателей

У МУЗЫКАЛЬНЫХ ШКОЛ НЕТ ХОЗЯИНА

В 1946 году, впервые в истории небольшого украинского городка Новоград-Волынского, была открыта музыкальная школа-семилетка. В первый же год число желающих учиться вдвое превысило количество мест в школе.

Сейчас поток заявлений еще более возрос. В январе были открыты вечерние курсы для молодежи, желающей получить музыкальное образование без отрыва от производства. С каждым годом школа крепнет. Коллектив ее проводит в городе ученические концерты, лекции о постановлении ЦК ВКП(б) об опере «Великая дружба», о жизни и творчестве знаменитых русских композиторов.

И все-таки многие вопросы работы школы глубоко волнуют преподавателей.

Почему, например, до сих пор нет единого государственного органа, который руководил бы деятельностью всех музыкальных школ, снабжал бы их программами, учебниками, нотами, музыкальными инструментами, а также занимался подготовкой педагогов? Почему в музыкальных школах нет единой системы табелей, аттестатов и похвальных грамот? Почему не существует точного порядка оплаты труда педагогов?

Ученики Новоград-Волынской школы вынуждены сейчас учиться по рукописным или изношенным нотам, играть на мандолах вместо домр, на духовых инструментах для взрослых, на полных скрипках, на скверных пианино марки «Киев—музкомбинат», у которых механика и клавиатура «работают» в зависимости от погоды. Да и эти «пособия» приходится добывать с большими трудностями.

Музыкальные школы-семилетки существуют почти во всех городах страны. Они пользуются большой любовью и популярностью у советской молодежи.

Можно ли забывать о них, как это много лет подряд делает Комитет по делам искусств?

Н. АВДЕЕВА

СВИДЕТЕЛЬСТВО О НЕДОБРОСОВЕСТНОСТИ

Автор письма, лежащего перед нами, директор Узбекского металлургического завода тов. А. Ходжаев, напоминает о том, что происходило два года назад на строительстве первой очереди этого предприятия. Шел монтаж оборудования. Машиностроители тепло, по-дружески отнеслись к первенцу узбекской металлургии и старались добросовестно, во-время выполнить все заказы. Исключением оказался лишь Иркутский завод тяжелого машиностроения.

В начале 1946 года в Узбекистан из Иркутска прибыло оборудование для прокатного стана «300». Когда приступили к монтажу, то обнаружили, что в стане нет ни одного узла без грубых дефектов. Полгода затратили металлурги Узбекистана, чтобы привести в рабочее состояние «новый» стан. По милости иркутских бракоделов страна потеряла большое количество тонн проката.

Не так давно в Беговат вновь пришло из Иркутска оборудование нового стана. Начался монтаж. И вот что пишет нам директор Узбекского металлургического завода в Беговате тов. А. Ходжаев: «В процессе монтажа обнаружены все те же недостатки, что и в оборудовании, доставленном два года назад».

Как могло это получиться? Может быть, металлурги Узбекистана своевременно не предупредили нерадивых поставщиков о тех дефектах, которые были найдены в первом стане?

Оказывается, предупредили. И очень крепко! В свое время с участием представителя Иркутского завода был составлен обстоятельный акт. И если перевести на простые житейские слова десятки параграфов этого документа, то они прозвучали бы примерно так:

— Дорогие товарищи из Иркутска! Вы не уважаете ни себя, ни потребителей, вы работаете, как холодные сапожники, и позорите марку вашего завода.

Но, увы, эти слова не были услышаны!

Недавно, в связи с новой претензией металлургов, в Беговат приехал представитель Иркутского завода. Легко, не задумываясь, он подписал еще один акт, еще одно свидетельство о недобросовестности, о полном неуважении к собственной заводской марке. Два года назад все уладилось, авось и сейчас как-нибудь утрясется... Так, очевидно, полагают нерадивые поставщики.

Нет, не утрясется! Советская общественность желает знать, что предприняли руководители завода — его директор К. И. Брохов и главный инженер А. Г. Корин — в связи с очередной претензией узбекских металлургов? Неужели ее, как и предыдущую, подшили в папку «входящих» и этим ограничились?

Если тт. Брехов и Корин безразлично относятся к славе своего завода, то, надо думать, коллектив приложит все силы, чтобы восстановить уважение к заводской марке.

Кстати: знают ли об этой печальной истории в Министерстве тяжелого машиностроения СССР?

И. БЕЛОВ

Вл. ПЕТРЕНКО

ФЕЛЬЕТОН

В мышином царстве

Это очень странное чувство, когда читанная еще в детстве сказка вдруг оборачивается былью и даже приобретает точный адрес.

Оказывается, мышиное царство, о котором мы читали в сказке, существует в Москве на Арбате и даже имеет свою вывеску: «Зоокомбинат». На первый взгляд, под этой вывеской нет ничего необычайного, никаких чудес, за исключением разве таких скромных, как щеглы в клетке и золотые рыбки в аквариуме. Но не будем отвлекаться. Речь идет не о рыбках и птичках, речь идет о мышах.

Как известно из зоологии, мыши принадлежат к семейству грызунов. Если верить отчетам, мыши из Зоокомбината сгрызли горы овса, белого хлеба, мяса, сельдей и выпили тысячи литров молока и рыбьего жира.

Мы хотим, чтобы картина была ясна. Не то чтобы все эти продукты тупо сгрызли по ночам вульгарные серые мыши, взвизгивая и разбегаясь по своим норкам при малейшем шуме. Вовсе нет.

Люди, далекие и чуждые нашей советской психологии, закопошились вокруг белых мышей, нужных для научных опытов.

Еще бы! Зоокомбинат получает с каждого сданного «товарного мышонка» по одному рублю дохода, а белые мыши и крысы размножаются, как известно, с невероятной быстротой.

Бразды правления в мышином царстве директор Зоокомбината К. С. Жинов вручил некоему С. Ф. Голованову — торгашу с птичьего рынка. Этот мышиный царь развил бешеную деятельность. В сказке у мышиного царя было семь голов. По быль опередила сказку: за короткий срок Голованов набрал 400 надомников, назвал их государственными служащими и благословил на разведение белых мышей, крыс и морских свинок. От продуктов, которые Голованов в изобилии получал на кормление грызунов, он оттрызал поистине царские куски для себя самого. На мышиные харчи были им построены под Москвой 2 (!) дачи.

Государственное положение о надомничестве гласит, что надомниками могут быть только люди, не имеющие возможности нормально работать на производстве и в учреждениях по болезни или по семейным обстоятельствам. Между тем, слух о легкой наживе привлек в головановское царство немало проходимцев, спекулянтов, а также и неустойчивых людей, бросивших свою основную профессию в погоне за большими деньгами.

Мышиный царь умел выбирать себе придворных. Так, например, некто Блинов за один только 1947 год выкачал из Зоокомбината 150 тысяч рублей деньгами и получил по твердым ценам 7 тонн овса, 3 тонны белого хлеба, 2.000 литров молока, 2 тонны крупы, 200 кг мяса, 6 тонн овощей и т. д. Родственник Блинова, бывший кулак Юшин, тоже был гостеприимно зачислен Головановым в надомники. За тот же год Юшин получил в Зоокомбинате всего-навсего 543 тысячи — более полумиллиона! — рублей и колоссальное количество ценнейших продуктов. Поистине сказочные цифры! Интереснее же всего то, что ни Блинов, ни Юшин сами не выращивали лабораторных животных. Они скупали их по дешевке, зачастую в самом же Зоокомбинате, и туда же сдавали по дорогой цене. Да еще получали уйму продуктов и растаскивали их по своим домам. Что и говорить, типичные «надомники»!

С легкой руки мышиного царя Голованова, институт надомников при Зоокомбинате превратился в высшую академию жульничества и спекуляции. Вместе с мышами плодились здесь какие-то уродливые человеческие экземпляры, цвет репутации которых отнюдь не соответствовал белой масти лабораторных мышей.

Таков бывший юрист Рогинский, человек с цепкой хваткой хозяйчика. В «надомниках» ходили и некоторые инженеры, врачи, артисты.

В головановском царстве порядки оказались такими же, как и во всяком другом царстве: одни надомники пользовались царской лаской Голованова и благосклонностью директора Жинова и процветали, а другие были в опале. К первым относились дельцы и проходимцы, ко вторым — инвалиды войны и труда. Первые обогащались за счет государства, строили себе дачи, заводили коров, свиней, кур, не платили налогов, отгораживались от жилищ колючей проволокой, сажали цепных собак беречь наворованное добро. Нередко широко использовали наемный труд. Вторые же вкладывали все свои небольшие средства в разведение животных, работали честно и приносили посильную пользу государству.

В прошлом году мышиный царь расширил свое государство. Вместе с директором Зоокомбината Жиновым Голованов принял в свое лоно еще пятьсот надомников. Новые надомники завели новых мышей. Новые мыши получили от Жинова и Голованова новые сотни тонн фуража и продуктов. Мышиное царство Зоокомбината стало еще могущественнее.

Заболев мышиной горячкой, руководитель Зоокомбината Жинов забросил все основные виды деятельности своего учреждения. Зоомагазин превратился в склад для очень дорогих и скверных клеток и дорогих же заморышей-птичек.

Мышиное царство находится в непосредственном ведении Управления культурно-просветительными (?!) предприятиями исполкома Моссовета, начальником которого до последнего времени был Паньшин. Непосредственно руководит Зоокомбинатом заместитель начальника этого управления Андрианов. Непонятно, то ли они проглядели стотысячные обороты зоокомбинаторов, то ли они не хотели их замечать.

Непонятно и другое. Дело о мышином царстве сейчас в прокуратуре. Некоторые надомники задержаны. При обыске у них найдены крупные суммы денег, золото и прочие ценности. Почему же до сих пор не привлечен к ответственности мышиный царь Голованов, вдохновитель и организатор преступной шайки, обокравшей наше государство на многие миллионы рублей, спекулировавшей на временных продовольственных затруднениях? Неужели только потому, что он успел во-время перебежать в другое такое же царство, но только под другой вывеской «Артель «Кроликоптица»?

Стоило бы пристальнее присмотреться к делам и этого царства, во главе которого стоит такой же мышиный король Бенецкий. Там тоже 1.000 надомников. До последних дней в Москве существовало еще так называемое Баумановское товарищество во главе с председателем Балицким.

До войны основными поставщиками лабораторных животных для научных учреждений были государственные питомники. Сейчас их вытеснила мощная каста надомников, насчитывающая до 2.000 человек. Они-то и пустили в ход «теорию» о том, что лабораторных животных разводить в питомниках нельзя: животные там... подвержены заболеваниям. В подтверждение этой «теории» приводится питомник Института имени профессора Тарасевича, где дело плохо клеится. Спрашивается, зачем же Трояновичу, зоотехнику этого питомника, налаживать работу своего учреждения, если сам Троянович — одновременно и крупнейший надомник артели «Кроликоптица»? Теорию о нерентабельности питомников выгодно поддерживать и некоторым сотрудникам других институтов, потому что они являются также надомниками.

Надомников слишком много. В мышином царстве сейчас кризис, перепроизводство. Мышиные короли ведут войну за рынки сбыта. Сейчас идет штурм основной твердыни — Главснаба Министерства здравоохранения СССР. Бои идут с переменным успехом...

Гнусная история мышиного царства представляется нам весьма поучительной. Люди, без зазрения совести обворовывающие страну, противопоставляющие свои узкие мышиные интересы интересам своего народа, не заслуживают названия людей. Это — вредные грызуны. Их становится все меньше. Но надо, чтобы их не было совсем. Они слишком дорого нам стоят. Обычно говорят: «гора родила мышь». В данном случае, наоборот: мышь родила гору — гору безобразий и беззаконий.

И НЕ ПО МАЯКОВСКОМУ

Маяковский часто выступал с эстрады.

Он это любил, жить без этого ему было бы трудно — тысячами нитей связывал он себя с многолюдной рабочей, рабфаковской, партийной аудиторией. Он понимал, что это большое общественное дело, равное писанию стихов.

Лучший, талантливейший поэт нашей советской эпохи, он выступал в рабочих клубах, дворцах культуры, вузовских аудиториях, его слышали в Харькове, Тбилиси, Туле, Пензе. Поездки вдохновляли его на лучшие стихи. Повсюду, толкаясь среди живых, сам живой и бессмертный, он провозглашал поэзию социализма, пропагандировал искусство, посвященное революции. Он только и тосковал при этом, что его не услышат, не увидят товарищи потомки — его, агитатора, горлана-главаря!

В статье «Рожденные столицы» он рассказывал о том, как он работал в Баку: «За один день читал от гудка до гудка, в обеденный перерыв, прямо с токарного станка на заводе Шмидта; от пяти до семи красноармейцам и матросам в только что строенном, прекрасном, но холодном, нетопленном Доме Красной Армии; от девяти до часу — в университете,—это Баку...»

Доживи Владимир Маяковский до наших дней, он пошел бы искать в Союзе писателей бюро пропаганды литературы и вознегодовал бы, увидев где-то в уголке, за стеклянной перегородкой, столик, загроможденный счетами, авизовками, скоросшивателями, и у телефонного аппарата одного из «уполномоченных», вырабатывающих в поте лица своего свои «десять процентов» комиссионных с каждой поэтической головы,—лучше, конечно, которая покудрявее, — арендуемой на очередной литературный вечер в военном клубе, в школе или в парке.

— Что за насмешка! — сказал бы Маяковский. — Где же сами писатели?

Маяковский относился к своим публичным выступлениям, как к настоящему общественному труду. Его слушатели помнят, как, бывало, он деловито снимал пиджак на эстраде в Политехническом музее, просил извинения у присутствующих и, засучив рукава рубахи, говорил:

«Ну, приступим к работе...»

Маяковский и сегодня призвал бы писателей-соратников не устраняться от дела художественной пропаганды, и если равняться на Чехова, то только на его скромность, а не на его нелюбовь к публичным выступлениям.

Полное забвение принципов партийности пропаганды, преобладание коммерческого расчета, рентабельной предприимчивости характеризуют печальную деятельность Всесоюзного об'единенного бюро пропаганды художественной литературы, снискавшего себе незавидную популярность в широких читательских кругах после фельетона И. Рябова «Не по Чехову», опубликованного в «Правде» 22 мая этого года.

Советская литература жила большими событиями, — писатели вместе с народом вошли в широкий трудовой мир послевоенного восстановления страны и нового созидания; возвращаясь из Донбасса, с Урала, писатели работали над книгами, волновавшими народ. Тема великого колхозного движения за урожай занимала талантливых — молодых и старых — художников слова. Писатели-фронтовики перерабатывали свои впечатления великой войны в огненный сплав искусства. Литература, театр, кино заново и плодотворно обсуждали свои идейные позиции в свете исторических решений ЦК ВКП(б), и вместе с деятелями искусства весь советский народ участливо помогал скорее и успешнее выполнить и реализовать эти мудрые решения партии.

И в это замечательное время, тут же, в Союзе писателей, без какого-либо серьезного, обдуманного и обсужденного плана,— нет, по телефонным заявкам и вызовам, наспех, как попало, по всем правилам расчетных взаимоотношений работало «само собою» бюро пропаганды художественной литературы.

А писательский совет, который должен был идейно возглавлять это бюро? Он устранился, за год собирался три раза.

Секретариат ССП? Он тоже, как говорится, не напомнил о себе за отчетный период.

«Литературная газета»? К сожалению, и «Литературная газета» не интересовалась этим вопросом.

Нужен освежающий ветер критики и самокритики. Нужны резкие и справедливые выводы.

Прежде всего нужно понять, что без борьбы за партийность искусства, вне решений ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве не может развиваться пропаганда художественной литературы.

Нужно от многого бесполезного и сомнительного **отказаться.** Отказаться от непроверенных, неизвестно откуда набежавших докладчиков, вроде некоего Любинского, ухитрившегося 160 раз представлять собою на трибуне советскую литературу, не будучи даже членом Союза писателей. Отказаться от чисто коммерческого, антрепренерского отношения к многочисленным выступлениям юмористов, пародистов, куплетистов; вечера юмора и сатиры, по крайней мере, уравнять в правах с более серьезными и значительными писательскими выступлениями. Отказаться от телефонной проверки своей работы, от торгашеской оценки публичного разговора писателя со своим читателем, найти партийный критерий оценки успехов и неуспехов каждого выступления: дошло ли до слушателей большевистское слово писателя, благодарна ли писателю и поэту слушавшая его аудитория? Ведь этого никто в бюро пропаганды не изучает. Опыт общения писателей с читателями не исследуется, не обобщается.

Писателей хочет видеть и слушать не только Москва. По всей стране народ читает книги советских писателей. Он ждет их появления у себя дома — в больших и малых городах и селах, на заводах, в колхозах, в институтах и школах, в военных гарнизонах страны. Между тем, — поразительные цифры! — из 1952 писательских выступлений, организованных бюро, 1688 состоялись в Москве и Московской области и только 267 — на всей остальной огромной территории страны.

Чем дальше от Москвы, тем важнее в отдаленных районах услышать советскому человеку живой голос писателя, поговорить с ним, поспорить о его книгах. Между тем, из небольшого, более чем скромного числа — 22 писателей, выезжавших по заданиям бюро из Москвы, 13 писателей выступали в Ленинграде.

Там, где вся работа не вдохновлена идеей, где нет плана и цели, там неизбежно измельчание, там процветает обывательщина, там становятся возможными и такие факты, о которых рассказал И. Рябов. Установление законного гонорара для писателей за выступления на литературных вечерах и за проведение читательских конференций должно быть строго ограничено определенными рамками.

Это не снимает с писателя-общественника личной ответственности за порою непомерно раздутые гонорары. Нельзя допускать, чтобы высокая задача пропаганды нашей литературы профанировалась и опошлялась.

Писатель Лев Кассиль известен детской и юношеской аудитории. Его знают и как автора популярных книг, и как автора своеобразного жанра лекций-бесед, часто выступающего безвозмездно перед школьными и иными аудиториями. И, несомненно, влияние общей атмосферы коммерческого ажиотажа, существующей в бюро художественной пропаганды, сказалось в том, что писатель-общественник Кассиль не понял всего неприличия установления такого высокого гонорара, как 1.000 рублей за выступление в студенческой аудитории. Только в обстановке забвения высоких целей советского искусства могут позволить себе отдельные писатели такую, скажем, легкость в мыслях и поступках, «легкость», не вяжущуюся с их обликом советских писателей-общественников. С этим пора кончать!

Шире круг писателей, идущих на живое общение с читательской аудиторией! Пусть увидят московские клубы украинских, узбекских, белорусских, латышских, татарских, грузинских, армянских писателей и поэтов. Пусть появятся на московских заводах ленинградские писатели, на заводах Урала и Сибири — писатели-москвичи. Пусть знают в лицо и по голосу любимых поэтов советские люди, как знали Владимира Маяковского, с которым грузчик в Одессе, свалив на пароход чьи-то чемоданы, здоровался без всякого обмена фамилиями, Владимира Маяковского, поэтическую личность которого мог удостоверить в Тбилиси красноармеец из ночного патруля...

Дело пропаганды художественной литературы—большое всенародное дело. Здесь должно еще проявиться основное и самое дорогое свойство советской литературы — ее партийность, ее органическое родство с советским народом, ее высокая идейность.

В ОДЕССЕ НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ РУССКУЮ КНИГУ

Одесса — город украинский. Однако среди коренного населения много русских. В городе всегда много приезжих из центральных районов Союза: студентов, курортников, отдыхающих.

На русском языке выходит одна из областных газет. В городе существуют русские театры.

Но русскую книгу в Одессе купить почти невозможно.

В книжных киосках и магазинах можно увидеть некоторые специальные издания: «Эксплантация опухолей человека», «Морфология автономной первичной системы», но нельзя купить русских изданий классиков мировой и русской литературы, новых произведений советских писателей.

Заведующий одним из крупнейших одесских книжных магазинов А. Бялы (Ленинская ул., д. 17) сказал нам, что спрос на русскую книгу огромный.

В чем же дело? Оказывается, «Укркнигокультторг» не считается со спросом покупателей и снабжает книжные магазины Одессы только украинскими книгами.

Чтобы хоть в какой-то мере удовлетворить спрос читателя, областная контора сама покупает русские книги в Москве, вместо того чтобы получать их в плановом порядке из Киева. Это создает дополнительные накладные расходы и, конечно, не удовлетворяет книжный рынок.

Когда же, наконец, в Одессе можно будет купить нужную книгу на русском языке? На этот вопрос должны ответить украинские республиканские книготорговые организации.

Ан. БАРЯНОВ

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СЕГОДНЯ

На партийном собрании московских писателей

Новым чертам советской литературы последних лет было посвящено партийное собрание московских писателей. С докладом выступила **Е. Ковальчик.** Она отметила значительный перелом в нашей литературе, вызванный постановлениями Центрального Комитета ВКП(б).

Современная советская литература раскрывает характер советского человека, воспитанного в условиях победившего социализма, показывает его неизмеримое превосходство над людьми буржуазного общества.

Герои таких произведений, как «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Звезда» Э. Казакевича, «Счастье» П. Павленко, «Белая береза» М. Бубеннова, «Флаг над сельсоветом» А. Недогонова, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского,—это люди цельного характера, сложившегося в условиях развитых социалистических отношений. Они — настоящие хозяева новой жизни, борцы за счастье народа.

Современный этап развития литературы отмечен углублением и дальнейшим развитием реалистических принципов.

В литературе сейчас происходят напряженные поиски наиболее верных способов выражения правды жизни. Пожалуй, по разнообразию творческих направлений современная литература — особенно примечательное явление. Е. Ковальчик говорит об идейном и художественном богатстве нашей литературы, о своеобразии творческих методов писателей, которые разными путями идут к одной цели — к утверждению идей коммунизма. Как бы ни отличались друг от друга Павленко и Эренбург, Панова и Казакевич, Бубеннов и Некрасов, — каждый из них производит «глубокую разведку», ищет новаторские пути в литературе.

Е. Ковальчик сопоставляет двух столь различных писателей, как П. Павленко и В. Панова.

П. Павленко показывает не только то, как сложились характеры его героев. С не меньшей ясностью он умеет передать перспективу их развития, жизненную необходимость непрерывного движения вперед. В. Панова же ограничивается изображением того, что уже достигнуто героем. Реализм Павленко открывает пути для подлинно революционной романтики, основанной на углубленном реализме. Реализм Пановой богат многими достоверными и дорогими деталями нашей неповторимой эпохи. Он подкупающе правдиво изображает неровности судеб героев. Но реализм этот не представляет большого простора для движения вперед.

Различие творческой манеры особенно ясно сказалось на характере конфликта. Противопоставление Воропаева Корытову в романе П. Павленко имеет принципиальное значение. Жизнь подтверждает правоту того стиля руководства, который олицетворен в Воропаеве. Слабость честного, деловитого Корытова в том, что он тонет в будничных делах. Он лишен прочной веры в наших людей, не умеет вести их за собой.

В «Спутниках» конфликт между большевиком Даниловым и мещанином Супруговым не развернут. Противоречия так и остаются в форме сосуществования, а в «Кружилихе» конфликты просто сглажены. Вражда Листопада к Уздечкину не имеет принципиального значения и основана на личных недоразумениях. Однако большим достоинством произведений В. Пановой является выраженная в них глубокая вера в рядовых, обыкновенных советских людей.

Е. Ковальчик считает, что, при всем своеобразии дарования Э. Казакевича, его творческие позиции близки к позиции П. Павленко. Казакевича интересует не отдельная биография, не особая «стежка» героя. Его интересует тип отношений героев, рождение новых чувств и понятий. Он показывает процесс воспитания характера, победу социалистических начал в сознании человека.

Поведение Травкина — героя повести «Звезда»—становится примером для других людей. Это «равнение на Травкина» делает людей лучше, увлекает на подвиг.

В своей новой повести «Двое в степи» автор опять обращается к сфере моральных качеств советского человека. Однако если в первой повести Казакевича преобладал внутренний драматизм, то здесь драматизм носит чисто сюжетный характер. Писатель должен избегать соблазна внешних эффектов и условностей, расширять и совершенствовать реалистические принципы своего искусства.

По мнению Е. Ковальчик, К. Симонов («Дни и ночи»), И. Эренбург («Буря»), В. Некрасов («В окопах Сталинграда») близки друг другу своим методом изображения жизни. Им свойственно в этих произведениях подчеркнуто реалистическое изображение советской действительности. Однако эта достоверность не всегда сочетается у них с глубокой, вдохновенной мыслью. Писатели не смогли добиться главного — создать типический образ героя нашего времени.

Интересна писательская позиция М. Бубеннова. Главная тема его романа «Белая береза» — внутренний рост и возмужание советского человека в годы Отечественной войны. Скрытая теплота патриотизма главного героя Андрея Лопухова в испытаниях войны все более укреплялась, стала ясным, убежденным патриотическим чувством. Наибольших успехов достигает М. Бубеннов в обрисовке рядовых героев. Его роман по-настоящему демократичен. Элементы реалистической символики сближают М. Бубеннова с А. Гончаром.

Заслуга автора «Знаменосцев» в том, что он показал новую ступень народного сознания. Его герой, рядовой советский человек, выступает как представитель великого советского народа, несущего свободу миру. Он чувствует себя активным участником мировых событий.

Сила А. Гончара в его тенденциозности и публицистичности. Однако его метод не всегда позволяет ему передать неповторимое своеобразие, индивидуальные оттенки характеров героев.

Таким образом, наши писатели по-разному решают творческие задачи.

Е. Ковальчик подробно останавливается на теме труда в нашей литературе. Общественный смысл труда советского человека раскрыт в литературе убедительно, интересно и разнообразно. Советские писатели показали труд партийного пропагандиста (Б. Галин), директора завода (Ф. Панферов), газетного работника (А. Чаковский), медицинской сестры (В. Панова) и людей многих других профессий. Но есть одна область труда, которая все еще слабо разработана в нашей литературе. Это — труд рабочего. Великие перемены в жизни, в психологическом облике производственных рабочих показаны крайне скудно, а главное—без той силы художественного обобщения, которая дает книге настоящее признание читателей и долгую жизнь.

Наиболее ценные произведения о современном производственном труде советских людей созданы пока только в жанре очерка писателями М. Шагинян и Б. Галиным.

Литература последних лет, развивающаяся в условиях постепенного перехода нашего общества к коммунизму, сильна своим глубоким и вдумчивым анализом путей борьбы нового со старым. Писатели показывают разные формы пережитков прошлого в сознании людей, ведут наступление на все косное, отсталое, рутинное, мешающее нашему движению вперед. Примеры здесь многочисленны: пьесы Б. Лавренева, Б. Ромашова, А. Софронова, Н. Вирты, роман Павленко «Счастье». Своеобразие нового этапа литературы в том, что усиление в ней критического начала является результатом более глубокого постижения писателями значения нового, передового в нашей действительности. Иными словами, критическое начало в литературе теперь неразрывно связано с началом утверждающим, позитивным. Критическое начало само стало формой утверждения нового, передового.

Особый раздел своего доклада Е. Ковальчик посвятила образу большевика в нашей литературе. Литература последних лет достигла заметных успехов в изображении характера коммуниста. Во многих образах наших писателей раскрыта большевистская наука побеждать. Руднев («Люди с чистой совестью» П. Вершигоры), Воропаев («Счастье» П. Павленко), комиссар Воробьев («Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого), Воронцов и Брянский («Знаменосцы» А. Гончара), Пантелеев («В одном населенном пункте» Б. Галина) — все они «на линии огня», на передовых позициях жизни.

Есть в современной литературе замечательная черта. Ее герои проверяют себя, свои действия действиями великого Сталина. Сталин вошел в жизнь советских людей, он помогает им сделать все значительное, быть новаторами, героями.

Е. Ковальчик иллюстрирует это положение рядом примеров из произведений советских писателей — из романа П. Павленко «Счастье», повести П. Шебунина «Мамаев курган» и др.

История предоставила советским писателям возможность показать торжество большой человеческой правды — правды коммунизма. Это — почетная и ответственная задача. Она требует от писателей глубокого знания жизни, процессов ее развития, требует высокой идейности, непрерывного совершенствования мастерства. Нельзя решить эту задачу, не покончив с равнодушием, ремесленничеством, формализмом, под каким бы прикрытием этот формализм ни выступал, — будь то пропаганда хлебниковщины, прикрытая внешне патриотической темой, как это делает Дм. Петровский в поэме «Святослав», будь то так называемая борьба С. Кирсанова с «инерцией отсталой формы», «отсталой образности», которая на деле уводит поэта в сферу бесплодных формалистических ухищрений в поэме «Небо над родиной», будь то поза «печального однодума и нелюдима», творящего для вечности, для «грядущих далей», которую порой избирает для себя И. Сельвинский. Хотя все эти безнадежные перепевы формализма утратили привлекательность в глазах советских читателей, хотя давно уже доказана творческая бесплодность этих перепевов, однако наша литература не имеет права относиться терпимо к чуждым влияниям. А свидетельством того, что такие влияния сказываются, является, в частности, повесть К. Ванина «Отец», напечатанная в журнале «Звезда».

Сильная и могучая, напоенная самой жизнью, наша литература призвана сыграть великую роль на историческом пути нашего общества к победе коммунизма.

— Люди нового социалистического общества все больше и больше овладевают историей, управляют ею,—сказал **Б. Агапов,** открывая прения,—и в этом процессе огромна роль нашей литературы, которая воспитывает и организует коммунистическое сознание народа. И задача критики, на мой взгляд, заключается в том, чтобы определить, насколько то или другое произведение помогает воспитанию коммунистического сознания.

Б. Агапов напоминает один эпизод из романа М. Бубеннова «Белая береза». Андрей Лопухов во время боя видит, что немецкий танк направляется на соседний окоп. А он знает, что там сидят люди, которые плохо умеют бороться с танками. И вот он, держа в руках связку гранат, говорит: только бы на меня, только бы не на них.

Сознание этого героя соответствует нашему представлению о высоком строе души человека коммунистического общества, о том, что можно назвать об'ективностью коммунистического сознания.

М. Шагинян говорила о тех новых чертах, которые отличают сегодняшнего стахановца от стахановца, каким он был год назад. Российский, Матросов, Волкова—это смелые новаторы, открывающие такие методы, которые делают возможным всеобщее повышение производительности труда. Они тянут за собой соседа, весь цех, весь завод. М. Шагинян подробно рассказывает о новаторском опыте текстильщицы Марии Волковой.

Широко открытыми глазами должны смотреть писатели на жизнь. Нужно изучать вдумчиво и внимательно те процессы, которые происходят сейчас в нашей промышленности и деревне. Видеть новые типы стахановцев и смелее вводить их в литературу—вот задача, стоящая сегодня перед нами.

Б. Горбатов подробно останавливается на вопросах изображения рабочего класса в литературе.

— Мы многого ждем от книг на эту тему, — говорит он. — Писатели должны по-настоящему опоэтизировать производственный труд, показать его красоту, прекрасный индустриальный пейзаж.

У наших писателей нет еще вкуса к изучению промышленности. Некоторые из них, бывшие когда-то рабочими, думают обойтись старым запасом. И вот они пишут книги, которые не читаются, потому что отстали от нашей жизни. Нужно направить лучших писателей на заводы, фабрики, шахты — там скрыты сюжеты новых замечательных книг.

В заключение Б. Горбатов говорит о том, что некоторые поняли борьбу с формализмом, как отрицание хорошей художественной формы. А недобитки формализма в нашей среде заявляют, что они — последние рыцари борьбы за художественную форму. Это ерунда. Мы должны бороться за высокий уровень профессионального мастерства. Надо больше спорить и говорить о сюжете, о языке, о пейзаже, о художественной детали.

А. Софронов отметил, что мы плохо анализируем те события и процессы, которые произошли за последние два года в нашей литературе. Иногда читатели лучше чувствуют и понимают новизну наших героев последнего времени, чем мы сами. А события произошли немалые. Наша большая советская литература вплотную обратилась к трудовой теме, связанной с переходом от социализма к коммунизму.

В социалистическом соревновании сейчас проявляются совершенно новые черты наших людей. Один человек чувствует ответственность не только за свою бригаду, а за весь свой цех, за свой колхоз. Но в нашей литературной жизни часто бытуют еще старые представления.

Мы еще плохо знаем и изучаем нашу действительность. Многие критики живут старыми, книжными представлениями о жизни. Надо вплотную подойти к тому, чем живут сегодня миллионы советских тружеников.

В прениях приняли участие также **В. Гоффеншефер, А. Исбах, А. Тарасенков, И. Шкерин, А. Марголина.**

* * *

Партийное бюро Союза советских писателей сделало полезное дело, организовав обсуждение вопросов современной литературы.

Е. Ковальчик поставила в своем докладе ряд серьезных проблем развития нашей литературы. Она отметила некоторые отличительные черты советской литературы сегодня. Однако в конкретных характеристиках отдельных произведений, в ряде обобщений было и немало спорного. Не всегда было ясно, по каким принципам группирует докладчик те или иные произведения. Трудно, например, согласиться с об'единением произведений К. Симонова, И. Эренбурга и В. Некрасова в одну группу. Спорным представляется сближение Э. Казакевича и П. Павленко, М. Бубеннова и А. Гончара.

К сожалению, выступавшие мало касались конкретных особенностей произведений.

Отрадно то, что многие участники обсуждения стремились оценивать отдельные произведения с точки зрения соответствия их живым особенностям нашей действительности. Жаль только, что эта проверка литературы жизнью была недостаточно глубокой и всесторонней.

Антология белорусской поэзии

М. СМОЛКИН

Крепкие, дружественные связи издавна соединяют писателей Ленинграда и Белоруссии. После войны их творческая дружба еще более окрепла.

Переводы произведений белорусских поэтов, прозаиков, драматургов на русский язык и произведений русских писателей, в том числе писателей Ленинграда, на белорусский; участие ленинградцев в работе республиканского собрания белорусских писателей и выступления Я. Коласа, П. Бровки, М. Танка и других белорусских писателей в Ленинграде, создание ленинградскими научными работниками первых монографий о М. Богдановиче и З. Бядуле—такова коллективная работа дружественных писательских организаций. Эта работа увенчалась ныне изданием в Ленинграде антологии белорусской поэзии.

Много труда и вдохновения вложили ленинградцы в переводы стихов белорусских поэтов. В создании антологии принимали участие 25 поэтов, которые перевели в общей сложности 15 тысяч строк. Работа продолжалась около двух лет. Н. Браун, А. Прокофьев, М. Комиссарова, В. Рождественский и раньше переводили стихи с украинского и белорусского языков. Большинство же поэтов Ленинграда впервые встретились с белорусской поэзией, и встреча эта, несомненно, творчески обогатила их. Среди «начинающих» переводчиков встречается имя лауреата Сталинской премии М. Лозинского, впервые и с большим успехом испробовавшего свои силы в переводах с белорусского.

Стремясь представить белорусскую поэзию в ее историческом развитии и, по возможности, наиболее полно, составители антологии включили в книгу произведения, созданные в период с сороковых годов XIX века до наших дней.

Поэзия в белорусской литературе — ведущий жанр. Поэтому знакомство с антологией даст известное представление о путях развития белорусской литературы.

Антология открывается пародийной поэмой «Тарас на Парнасе» (перевод М. Лозинского). Не известная до сих пор русскому читателю, она представляет значительный историко-литературный интерес.

Не случайно поэма впервые увидела свет лишь в 1889 году. Почти двести лет вход белорусским писателям на Парнас был строго воспрещен. «Осади назад!» — так назвал одно из своих стихотворений Я. Колас и этими словами метко определил политику царского самодержавия в белорусском вопросе.

Но был жив народ, — не могла умереть и его песня.

Революция 1905 года явилась поворотным моментом в развитии белорусской литературы. Десятки начинающих поэтов с разных концов Белоруссии присылают в единственную тогда белорусскую газету «Наша нива» стихи и поэмы.

В литературе все острее развертывается борьба между реакционным лагерем националистов-либералов, откровенно проповедывавших низкопоклонство перед буржуазной культурой Запада, и представителями крепнущей освободительной, обращенной к трудовому народу поэзии революционных демократов. Буржуазно-националистические тенденции сказывались и в творчестве таких поэтов, как Ф. Богушевич, Я. Лучина, А. Тётка, М. Богданович. В антологии представлены те их стихи, в которых побеждало революционно-демократическое направление.

Достижения дореволюционной белорусской поэзии, подготовленной вековой устнопоэтической традицией, стали возможны благодаря плодотворному влиянию русской демократической поэзии, которая помогла определить направление и выработать эстетику поднимающейся белорусской литературы.

Особенность белорусской поэзии в том, что ее звучание, система образов очень близки к народной песенной поэзии.

Горький говорил о белорусских поэтах, что они пишут ласково, грустно, задушевно и поистине народно.

Эти слова вспоминаются, когда перечитываешь стихи белорусских поэтов за предреволюционные годы, выражавшие тогда еще смутные мечты народа о свободе.

Зачем соколом быть,
Так высоко летать,—
Только б волею жить
Да цепей бы не знать!

Эх, каб цепь расковать—
Я бы всем показал,
Что умею летать,
Что свободным я стал,

— писал в 1906 году Янка Купала.

Однако демократизм белорусской дореволюционной поэзии был ограничен рамками национального движения, реализм имел тенденции к переходу в натурализм. Развитие литературы в целом постоянно наталкивалось на противодействие господствующих классов.

Беспрепятственное развитие белорусской литературы начинается после Великой Октябрьской социалистической революции. Укрепляя и развивая лучшие национальные традиции, решительно преодолевая рецидивы националистической идеологии, белорусская поэзия все более сближается с современностью. Центральной темой поэзии становится тема борьбы за социализм, а основным лирическим героем — белорусс, ощутивший себя хозяином своей страны и своей судьбы.

Не теряя национальной самобытности, своеобразия, белорусская поэзия развивается в общем русле советской поэзии. Самые названия стихотворений волнуют сердце советского читателя. «Моя Родина», «Советскому народу», «Страна моя», «Ты будешь жить, Отчизна»—эти стихи, написанные белоруссами на родном языке, выражают чувства всех братских народов Советского Союза. И не только эти стихи, но и стихи лирические, на первый взгляд не связанные с большими событиями новой жизни, полны тем же. Переживания лирического героя советской белорусской поэзии, его мысли о справедливости, красоте, любви, счастье — это мысли и переживания советского человека, живущего в великой стране, принимающего участие в величайшем строительстве нового мира.

Глубокие изменения произошли в поэзии Я. Купалы и Я. Коласа. Певцы скорби и гнева стали певцами счастья свободного народа, выразителями чувств человека сталинской эпохи. Многие их произведения являются классическими в нашей советской литературе.

За годы советской власти в Белоруссии выросло немало замечательных поэтов; среди них П. Бровка, П. Глебка, А. Кулешов, П. Панченко, М. Танк, произведения которых известны далеко за пределами республики.

Прекрасны задушевные, вдумчивые произведения Аркадия Кулешова. Сохраняя напевность, народную простоту и лиричность, свойственные классическим произведениям белорусской поэзии, А. Кулешов умеет скупым, но ярким штрихом придать своим стихам силу типического обобщения, сделать знаменательный вывод из каждого факта нашей жизни.

Замечательна его поэма «Знамя бригады», помещенная в антологии в блестящем переводе М. Исаковского. Запоминается его волнующая «Баллада о четырех заложниках».

Их ведут через поле, сторонкой,
Четверых
Под конвоем
Из дому.
Лет четырнадцать старшей сестренке,
Года три братишке меньшому.

Белорусская поэзия непрерывно растет и развивается, — приметой роста служит приход в литературу группы молодых поэтов, возмужавших в испытаниях войны.

Новые идеи и темы вызвали обновление словесно-образного и эмоционального строя, тем не менее, в творчестве отдельных поэтов еще заметно отставание формы от содержания. Высоте идейного уровня не всегда соответствует высота художественного мастерства, а освоение новых тем далеко не всегда сочетается с поисками новых поэтических образов.

Примером того, как новые песни выражаются «старыми словесами», может служить стихотворение М. Лужанина «Василек», ошибочно включенное в антологию.

В то же время антология, хотя и является наиболее полным собранием белорусских стихов на русском языке, однако, в ней представлены далеко не все наиболее выдающиеся произведения белорусской поэзии. Вне антологии остались такие характерные для дореволюционной белорусской литературы стихи Я. Купалы, как «Из песен безземельного», «Мужик». Не включены стихи М. Богдановича из цикла «Город», которые внесли бы новые черты в представление о дореволюционной белорусской поэзии, как о поэзии преимущественно крестьянской. Значительно полнее могла быть представлена поэзия Я. Коласа советского периода.

Биографические справки о поэтах неполны; в некоторых случаях характеристики в них произвольны и неточны. Роль Я. Купалы и Я. Коласа, как основоположников современной белорусской поэзии, нигде не отмечена. Ф. Богушевич неосновательно возведен в ранг классиков.

Краткая вступительная статья «От редакции» носит слишком общий характер и не ориентирует читателя в истории белорусской поэзии. Белорусская литература рассматривается в статье вне истории, вне борьбы в самой литературе и вокруг нее. Ее путь изображен, как легкий и простой путь непрерывных достижений.

Правильно отмечая, что факт присоединения Белоруссии к России «имел огромное значение для дальнейших судеб белорусского народа», вступительная статья замалчивает тяжкий гнет, которому подвергался белорусский народ, лишенный царизмом элементарных человеческих прав. В результате остается необ'яснимым национально-освободительный пафос дореволюционной белорусской поэзии и преуменьшается значение Октябрьской революции в истории белорусского народа и его культуры.

Можно считать, что ленинградские поэты в основном справились со своей задачей: большинство переводов хорошо звучит на русском языке. Но встречаются и неряшливые, недоброкачественные переводы. Стихотворение Я. Купалы «Белорусским партизанам» в переводе В. Владимирова во многом потеряло свойственную оригиналу политическую страстность.

Я. Купала, обращаясь к партизанам, призывает:

За няволю, за кайданы
Рэжце гітлерцаў паганых,
Каб не ўскрэслі век яны!

В переводе эти строки заменяются архаическими словесными штампами:

За святые наши раны
Бейте немцев окаянных!
Смерть — поднявшим меч войны!

Привнесенное в другую строфу цветистое выражение «чтобы вновь лазурью чистой голубели небеса» дисгармонирует с народным складом этого стихотворения.

Можно привести еще и другие подобные примеры. Некоторые стихи уже появились на русском языке в значительно лучших переводах. Достаточно, например, сравнить перевод стихотворения Я. Купалы «А кто там идет?» Н. Брауна со сделанным в свое время переводом этого стихотворения М. Горьким.

Но при всех недостатках издания, антология белорусской поэзии, созданная поэтами Ленинграда, — значительное литературное явление, ценный вклад в дело еще более тесного культурного общения наших народов.

Антология белорусской поэзии. Лениздат, 1948 г., 648 стр.

М. ПАПАВА

Путешествие добряков

В одном из номеров «Нового мира» за 1947 год был напечатан рассказ Вадима Лукашевича «Прошлым летом». Он запомнился своеобразием авторской интонации, искренностью и свежестью голоса нового писателя. В этом рассказе не было ни острой новеллистической ситуации, ни драматического столкновения характеров. Само название «Прошлым летом» и отдельные подзаголовки рассказа — «Жаркий день», «Анюта», «Соседский кот Фомка!»—подчеркивали выбранную здесь автором манеру. Это были своеобразные оптимистические этюды, в которых шумели грозы, цвели луга, приходила в гости Анюта, смешно и трогательно врал дед Ларион.

Была в этих этюдах заражающая влюбленность в жизнь, мягкий юмор, подкупающая свежесть и точность прозаического письма. Тишина и безмятежность стояли в рассказе, как в жаркий полдень в лугах. Некоторая идилличность увиденного автором мира не смущала нас в этом рассказе. Это было настроением выздоравливающего. Повествование шло от первого лица. Воин Советской Армии, испытавший в войне много горьких утрат, герой как бы заново начинал жизнь, и потому с такой тихой радостью вглядывался в цветение отбитой им у врага земли.

Примерно через год в четвертом номере «Нового мира» за 1948 год я снова увидел фамилию Лукашевича и с интересом открыл журнал на его повести «Зеленый океан»... Бывает иногда так, — встретишься с кем-нибудь в поезде или на заводе, куда приехал в журналистскую командировку. Новый знакомый покажется интересным и занятным человеком. Обменявшись адресами, с нетерпением ждешь новой встречи. А когда, наконец, увидишься вновь, разговор вдруг не клеится, что-то ты не рассмотрел сразу в новом знакомце, очень уж разные вы оказываетесь люди и, прощаясь, испытываешь чувство какого-то разочарования. Примерно такое же ощущение оставляет новая повесть Лукашевича. Что огорчает в ней? За прошедший год Лукашевич нисколько не изменился. Как и в первом рассказе, он все еще находится в безмятежно-созерцательном настроении.

В новой повести нет подзаголовков и материал разбит просто на главы, но Лукашевич остается верен своей манере этюдов-зарисовок, на сей раз об'единенных путешествием ботанической экспедиции. Сцены из жизни экспедиции перемежаются описанием природы и зарисовками людей, встречающихся на пути. И нас смущает не эта, может быть, несколько облегченная форма повествования, а отсутствие внутреннего единства во всей повести, отсутствие направляющей мысли художника. Возможно, что сцементировать материал могли бы образы людей экспедиции, постепенное раскрытие и углубление их характеров и, наконец, их взаимоотношения между собой. Но как раз это и не удалось в произведении. Ни начальник экспедиции, ботаник Григорий Степанович, ни его помощница Анна Алексеевна, ни, тем более, второстепенные члены экспедиции Никита, Тихон, не вырастают в какие-то законченные портреты, характеры. Чтобы об'яснить причину этой неудачи, нужно на мгновение вернуться к прошлому рассказу Лукашевича. Там автор, отдыхающий в деревне после военной страды и полной чашей пьющий радость послевоенного мира, приходит однажды на сенокос, пытаясь помочь колхозу в уборке. Затем он долго возится с отставшим трактором, хотя с одной рукой это очень нелегко. И нам понятна тоска героя по труду. Это — органическая потребность советского человека в труде, вне которого не мыслимо для нас и создание полноценного реалистического образа.

Когда внимательно присмотришься к новой повести Лукашевича, убеждаешься, что не удались автору люди экспедиции оттого именно, что они почти лишены возможности проявить себя в труде. В описании Лукашевича экспедиция приобретает характер прогулки-путешествия. Лишаясь главного, она становится лишь удобной формой для повествовательной манеры автора. Как бы желая восполнить этот пробел, Лукашевич нагружает членов экспедиции и своего главного героя рядом добрых дел: они лечат колхозника Жбанкова от стенокардии, помогают одному из колхозов строить плотину, кормят голодную женщину, потерявшую семью при немцах, затем отвозят ее в больницу и т. д.

Наши люди — добрые, и живут они в добром и хорошем мире. Вот примерный лейтмотив повести. И мы совсем не против доброты. Мы против идиллии. Нам хотелось, чтобы автор хотя бы однажды рассердился, с чем-то не согласился, на чем-то настаивал. Мы хотим видеть усилия художника и напряженность его мысли, хотим ощутить мускулы в его прозе. И прежде всего — желание быть активным в своей доброте. В противном случае это становится некоей условной идилличностью, своеобразными рессорами, предохраняющими «путешествующих добряков» от встрясок на ухабах.

Природа нашего советского гуманизма, нашей доброты активна и страстна. Вот этих-то качеств мы не смогли увидеть в новой повести Лукашевича.

Нам вовсе не хотелось грозить молодому и талантливому автору указующим критическим перстом. Но степень нашего внутреннего несогласия с ним здесь такова, и вопрос этот столь важен для дальнейшего развития его творчества, что мы не искали здесь мягких слов.

Нам могут возразить, что не всем же, дескать, быть трибунами. Вот у Лукашевича именно такое дарование. Он умеет описать дождь и грозу, тучу, которую обдирает ветер о лесистую вершину, сосны, которые кажутся закопченными снизу, смешного кота Фомку и т. д.

И действительно, Лукашевич обладает превосходным даром очень точного живописного письма, где, собираясь из множества строчек, мир вновь обретает свои цвета, запахи и формы. Но это, главным образом, мир природы. И, может быть, именно поэтому на фоне такого достоверного и пластически вылепленного мира особенно резко ощущается некая бестелесность, расплывчатость людей. Это скорее добрые тени, чем живые и осязаемые советские люди.

Любопытна еще одна деталь. Лукашевичу удаются некие беглые эскизы, случайно и ненадолго входящие в повесть люди. И потому, скажем, председатель колхоза Фома и его короткая перепалка с Ганной запоминаются больше, чем все отношения между начальником экспедиции Григорием Степановичем и Анной Алексеевной. Если воспользоваться драматургической терминологией, то Лукашевичу удается покамест явление и еще не под силу написать акт.

Неудача с центральными персонажами повести не случайна. Лукашевич точно дал обет отказаться от всяких конфликтов, столкновений, противоречий в увиденном им мире и в характерах людей. И если в первом его рассказе мы воспринимали это, как настроение автора, к тому же оправданное центральным персонажем, то в новой повести становится ясным, что это уже своеобразная позиция писателя. Как нам кажется, эта позиция не плодотворна для дальнейшего его роста. Пусть не боится автор согнать с лица уже привычную созерцательную улыбку. От этого он только выиграет, ибо для советского писателя нет большей радости, чем активное и страстное вмешательство в жизнь.

Вадим Лукашевич. «Зеленый океан» «Новый мир», № 4, 1948.

Александр КРОН

ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ

Американский слуга мистер Бевин

Русский народ создал пословицу: «Что написано пером, того не вырубишь топором». Судя по всему, мистеру Бевину пословица эта не по душе. Его подпись стоит под важнейшими международными соглашениями, касающимися послевоенного устройства Германии. Еще не успели просохнуть чернила на его подписи, а мистер Бевин уже вооружился топором и изо всех сил торопится завершить раскол Германии.

На-днях мистер Бевин имел смелость заявить в палате общин, что Англия якобы стоит за экономическое и политическое единство Германии. Вопрос, дескать, только в тех принципах, на основе которых оно должно быть создано.

Имеющие уши — да слышат! В положении мистера Бевина яснее выразиться невозможно. Не подлежит никакому сомнению, что единая Германия, организованная на принципе колониального подчинения англо-американскому капиталу, вполне бы устроила английского министра. Но для осуществления подобного рода «принципов» есть существенное препятствие—позиция Советского Союза, основанная на уважении к принятым на себя международным обязательствам.

Вот почему мистер Бевин и счел необходимым всего лишь несколько дней назад снова взять слово в английском парламенте, чтобы вновь — в который раз!—самым бесстыдным образом попытаться оболгать и оклеветать именно эту, столь мешающую ему и его американским хозяевам открытую, честную и миролюбивую политику СССР.

Мне довелось как-то читать о том, что в Соединенных Штатах недавно состоялся конкурс на лучшего лжеца. Победитель этого конкурса, рекордсмен, в совершенстве, видимо, постигший всю премудрость «американского образа жизни», был увенчан лавровым венком и награжден солидной денежной премией. Еще вчера он чувствовал себя, вероятно, вне конкуренции. Но уже сегодня, после того как мистер Бевин произнес свою очередную речь в английском парламенте, стало особенно ясно, что у американского чемпиона лжи появился очень опасный, а, главное, опытный конкурент, обладающий притом весьма солидным стажем.

Мистер Бевин — как бы это помягче и подипломатичнее выразиться — «преувеличивает» весьма грубо и весьма зримо. Он обращается с истиной так, как если бы она была всего-навсего служанкой в том самом «Транспорт-хаузе», где сам Бевин в качестве секретаря тред'юниона славился характером типичного профсоюзного босса. Не случайно Бернард Шоу — не в бровь, а в глаз — заметил по адресу Бевина, что он и сейчас — на посту министра — напоминает секретаря тред'юниона, в подавляющем большинстве являющихся «самыми абсолютными деспотами на земле».

Итак, вернемся к последней речи мистера Бевина. В ней он сделал ряд признаний, и в них, как говорится, превзошел самого себя. Послушайте только, до чего договорился этот верный оруженосец американских плутократов с большого «стрита», окрыленный недавним подписанием двустороннего англо-американского соглашения, которое, даже по признанию «Таймс», является «удобным инструментом осуществления плана Маршалла».

«Россия постоянно не выполняла Потсдамского соглашения, — не моргнув глазом и не поведя бровью, осмеливается заявить Бевин, — и до сих пор уничтожала возможность единства Германии». Можно ли представить себе образчик более наглой попытки валить с больной головы на здоровую? Кому же, в самом деле, еще осталось не известным и не ясным, что именно мистер Бевин и его заокеанские хозяева делали все для того, чтобы камня на камне не оставить от Потсдама, об'являя его то «чудовищной уступкой», то «непростительной ошибкой» и провозглашая решительный отказ от возврата к этому соглашению, со всеми вытекающими отсюда последствиями?

С другой стороны, кому не известно и не ясно, что именно Советский Союз решительно, настойчиво, неизменно отстаивает Потсдамское соглашение и на всех этапах развития послевоенных отношений ведет неустанную борьбу за единую, миролюбивую, демократическую Германию? Однако, что мистеру Бевину истина, как не повод к очередному показу «ловкости рук»?

Далее Бевин заявил, что в западных зонах достигнуты полностью демилитаризация, денацификация и демократизация общественной жизни. Масштабы циничной наглости, которой проникнуты эти слова, становятся особенно понятными, если мы вспомним: подавляющее большинство крупных военных заводов в Бизонии не демонтировано, а части немецкой армии сколачиваются заново; число гуляющих на свободе нацистских преступников огромно и с каждым днем увеличивается; преследование всех прогрессивных организаций становится все более усиленным и открытым. Таков «политический фон», на котором красуется признание мистера Бевина о том, что в Бизонии выполняется Потсдамское соглашение. Как тут, действительно, не почувствовать, что у американского чемпиона лжи появился в Британии весьма серьезный конкурент?

Таково последнее по счету парламентское «откровение» мистера Бевина, посвященное германской проблеме. Но в течение самого последнего времени Бевин сделал еще несколько признаний, из которых явствует, что нет в природе такого рода грязных дел и темных политических афер, которые не согласился бы прикрыть своей широкой грудью, как щитом, нынешний шеф «Форейн оффис», заслуженный лейборист его величества Уолл-стрита.

Без долгих размышлений он, лейбористский министр, отважился на то, чтобы заявить о своей полной готовности «итти вместе» с такой страной, как Бразилия, где, как известно, царят самый жесточайший фашистский террор во внутренней политике и самое раболепное отношение к приказам Уолл-стрита в политике внешней.

«Индии надо пускать кровь»,—заметил как-то один из наиболее махровых английских реакционеров-колонизаторов. Мистер Бевин готов расписаться под этим «лозунгом» с одной лишь существенной поправкой: он считает, что кровь следует периодически пускать и всем другим странам, в той или иной степени находящимся под эгидой британской короны. В частности, он считает, что кровь очень полезно пускать в Палестине. С этой целью «Форейн оффис» и делает все, чтобы натравить евреев и арабов друг на друга. Во исполнение этой традиционной для британского империализма политики и существует, оказывается, на Кипре тайная радиостанция, руководимая чиновниками из ведомства мистера Бевина и передающая секретные инструкции и шпионские данные арабам. Всякий здравомыслящий человек скажет: международный скандал, неслыханно-провокационная афера! Даже видавшие виды члены английского парламента, и те «выражают удивление». Невозмутимо спокоен только один мистер Бевин. И хотя он вынужден был признать, что одна из передач этой тайной радиостанции действительно являлась «довольно неразумной», в остальном он с обычной настойчивостью защищал и это скандальное и темное дело.

Не так давно скандинавская печать сообщила о том, что происходившие в нынешнем английском правительстве «перестановки», — в частности, возвращение Дальтона,—якобы предвещают близкую отставку Бевина. Нам кажется, что этот очередной маневр был предпринят не столько для ослабления позиций Бевина, сколько для того, чтобы «утихомирить» оппозицию, «ублаготворить» ее и заставить ее замолчать. Иначе говоря, для того, чтобы укрепить позиции все того же Бевина: Ибо твердолобый лейборист Бевин, являющийся фактическим хозяином в правительстве Эттли, вполне оправдывает доверие англо-американских империалистов и по заслугам занимает пост одного из главных жандармов международных монополий в Европе.

Таково подлинное лицо типичного правого социалиста наших дней.

«СТАТУЯ СВОБОДЫ»

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО.

Право вешать и право быть повешенным.

Торговля детьми в США

Купля-продажа детей, существование торговых предприятий большого масштаба, проводящих такого рода коммерческие операции оптом и в розницу, — весьма распространенное явление в деловом мире США. Об этом открыто, без всяких стеснений пишут даже в американской реакционной печати. Журнал «Ридерс дайджест», который никак нельзя считать хотя бы в самой отдаленной степени прогрессивным или даже либеральным, в одном из номеров напечатал данные о торговле детьми в США. Из этих данных следует, что в 28 американских штатах купля и продажа детей являются вполне законным и респектабельным видом бизнеса. В этих 28 штатах коммерческие агентства скупают детей у тех матерей, кто не в состоянии содержать их, и продают закупленный «товар» лицам, имеющим желание их «усыновить».

Такого рода агентства и отдельные маклеры открыто помещают рекламные об'явления в печати, указывая в них покупную и продажную цену на детей и предлагая беременным женщинам выплатить деньги вперед за право приобретения еще не родившегося ребенка.

Цены на детей в различных штатах колеблются в пределах от 100 до 500 долларов. Средняя стоимость новорожденного ребенка в штате Техас, например, — 112 долларов. Агентства же перепродают детей, в среднем, за 218 долларов. В штате Алабама стоимость ребенка несколько выше — 350 долларов.

Во многих случаях, как мы уже подчеркивали, женщины продают своих детей еще до их рождения. Будущие матери дают маклерам подписку в том, что они за соответствующее вознаграждение отказываются от всяких прав на своих детей. Часто это вознаграждение не превышает суммы, требуемой для оплаты медицинских расходов, связанных с родами.

Нередко случается, что мать после рождения ребенка пытается, несмотря на крайнюю нужду, оставить ребенка при себе. Но если даже ей удается довести дело до суда, то выигрывает его обычно маклер. Закон всегда на стороне детоторговцев!

В журнале «Ридерс дайджест» приведен такой случай: некая Джоан, еще будучи беременной, продала своего будущего ребенка одному из маклеров за 500 долларов.

Отец ребенка находился в то время в армии. Когда у Джоан родился сын, она захотела сохранить его для себя: слишком сильны были материнские чувства. Далее предоставим слово «Ридерс дайджест»:

«Джоан рассказала своим родителям о всем случившемся. Ее отец отправился к адвокату, но последний должен был сказать ему правду, — Джоан не имела никаких законных прав на своего собственного ребенка. Ее подпись на маклерских документах об отказе от ребенка исключала всякие юридические действия в ее пользу».

Бывают случаи, когда торговые фирмы, скупающие детей, пред'являют соответствующие «документы» и забирают детей прямо из родильного дома через несколько часов после их появления на свет.

Не думайте, что речь идет о каких-либо захолустных районах США. Вплоть до 1944 года столица США — Вашингтон— была также одним из крупнейших центров по купле и продаже детей. Лишь в 1944 году конгресс принял закон, по которому производить такие «операции» в Вашингтоне запрещалось... во всех случаях, кроме тех, когда они оформляются через частные фирмы, имеющие специальные лицензии от городских властей.

Журнал «Ридерс дайджест» также не возражает против торговли детьми, считая, что не следует выступать против «свободы частного предпринимательства». Редакция не согласна только с бесконтрольностью «детских маклеров», в результате которой бездетные супруги нередко покупают дефективных детей или детей с плохой наследственностью, причем эти отрицательные качества выявляются лишь спустя несколько лет, то-есть тогда, когда уже не удается перепродать ребенка или использовать его в качестве домашней рабочей силы.

Итак, журнал стоит не на стороне детей и матерей, а, разумеется, на стороне бизнеса. Не этим ли стремлением — защитить бизнес — и об'ясняется то, что «Ридерс дайджест» вообще коснулся этой щекотливой темы?

Т. ГИЛЯРЕВСКАЯ

И. ЛАПИЦКИЙ

Фашистское гнездо в Швейцарии

Женевский кантон — один из самых небольших в Швейцарии. Именно о нем говорил Вольтер: «Отряхая свой парик, я пудрю всю республику». Это не мешает самой Женеве, расположенной на живописных берегах Роны в том месте, где река вытекает из Женевского озера, славиться красотами природы. Зеленый вал Юры, снежные вершины Альп, голубое зеркало прозрачного озера — все привлекало сюда множество туристов со всех концов света.

Однако во время войны и после ее окончания «туристская индустрия» пришла в упадок. Валютные затруднения в Англии, во Франции и многих других странах Западной Европы привели к резкому сокращению, а в иные годы и к почти полному прекращению притока европейских туристов в Швейцарию. Правда, в Швейцарии и, в частности, в Женеве стало появляться все большее количество разбогатевших американских бизнесменов. Владельцы крупных отелей и ресторанов быстро начали делать ставку именно на них, рекламируя изо всех сил и притом на американский лад красоты Швейцарии и всячески приспособляясь к вкусам, нравам и обычаям новой заокеанской клиентуры.

«Медовый месяц» этого «американо-швейцарского сотрудничества» сильно омрачался тем, что у Швейцарии имеются серьезные конкуренты, в частности, Монте-Карло, игорное царство крупной буржуазии, столица опереточного монакского государства, всегда служившая притоном для всякого рода дельцов, спекулянтов, аферистов.

В последнее время дела казино и живущего на его доходы государства Монако пришли в упадок. В конце апреля на заседании акционеров казино было об'явлено, что второй раз на протяжении всего своего существования казино закончило свой финансовый год с солидным бюджетным дефицитом (136 млн. франков). Началась паника.

Тогда решили обратиться к американцам, чтобы они, должно быть также в порядке «помощи Европе», оживили деятельность казино, а тем самым и всей монакской державы. Из Монако в США отправились специальные эмиссары, которым поручено было доказать магнатам Уолл-стрита, что восстановление Европы немыслимо без процветания Монако.

Нам неизвестно, принято ли было решение включить Монако в «план Маршалла»; во всяком случае, в крупных американских газетах стали появляться огромные об'явления, приглашающие путешествующих по Европе американцев тратить свои доллары только в Монако.

Нетрудно понять, что соответствующие швейцарские круги весьма пристально и не без ревности следят за потугами своих монакских соперников.

***

От городского вокзала к Женевскому озеру ведет широкая центральная улица— рю де Монблан. Здесь расположено американское консульство, имеющее большой штат сотрудников. Рядом с ним бросаются в глаза украшенные пестрыми рекламами витрины американских туристских, авиатранспортных и других компаний. Улица ведет к красивому Монбланскому мосту; но пройдя его, вы попадаете в Английский сад — любимое место гуляния горожан. Жители Женевы шутя говорят, что сад уже пора назвать «Американским». И в самом деле, здесь довольно много праздношатающихся американцев. Но их присутствие можно почувствовать, разумеется, вовсе не только в часы прогулок на Монбланском мосту.

Женевские магазины завалены американскими товарами. Чего только не ввозят сюда американцы, — зубную пасту, мыло, бритвенные лезвия, жевательную резинку, чернила, дрянную обувь, сомнительного качества консервы и даже сгущенное молоко.

Кстати, о молоке. Американцы умудрились завезти в Швейцарию, всегда славившуюся своей молочной промышленностью, такой запас консервированного молока, что собственно швейцарская продукция не находит сбыта. Американское сгущенное молоко продается дешевле швейцарского.

Такая же картина наблюдается в текстильной, трикотажной и других отраслях промышленности. Американские монополии не только вытесняют швейцарскую продукцию из многих стран Европы и Южной Америки, но и берут ее «за горло» в самой Швейцарии.

Пользуясь тем, что Швейцария не располагает собственным углем, нефтью, железом и другими ископаемыми, американские монополии оказывают нажим на эту небольшую страну, стремясь подчинить ее себе в экономическом, политическом и военно-стратегическом отношении.

***

Если в Швейцарии наблюдается сейчас сокращение притока туристов, то зато здесь в избытке имеется реакционный эмигрантский сброд. Именно в этой стране нашли себе гостеприимный кров бежавшие из стран Восточной и Центральной Европы фашисты, квислинговцы, андерсовцы, усташи и тому подобное отребье, скрывающееся от справедливой кары народов. В Швейцарии живет припеваючи немало военных преступников, в том числе и такие, которых разыскивают правительства ряда европейских государств.

Здесь обосновалась и привольно себя чувствует шайка вишистов, поддерживающая непрерывную связь с реакционными кругами во Франции. По сведениям французской печати, предоставление вишистам убежища в Швейцарии было в свое время оговорено специальным соглашением, заключенным между бывшим швейцарским послом в Виши Штукки и Петэном. Судя по всему, и нынешние французские правящие круги считают себя связанными этим соглашением...

Среди наиболее активных деятелей этой шайки находятся: адмирал Офан (скрывающийся под фамилией Эгремон) — бывший командующий французским флотом и статс-секретарь по морским делам в правительстве Лаваля, заочно приговоренный к пожизненным каторжным работам за предательство и сговор с врагом; бывший министр внутренних дел в правительстве Жиро — Риго, бежавший из Франции (по сообщению журнала «Нэйшн», при помощи представителя США Мэрфи), где ему пред'являлось обвинение в измене родине; генерал Бержере, бывший статс-секретарь авиации в «правительстве Виши» и адмирал Блео — бывший статс-секретарь министерства военного флота и колоний в том же «правительстве» (оба обвинялись в измене родине). Все они связаны с так называемым «Голубым планом» (планом захвата власти фашистами во Франции) и с фашистской организацией «Черные маки».

Здесь также находится один из подручных Лаваля Жарден, не постеснявшийся как-то в порыве откровенности заявить: «Я думаю, что «Сюртэ насьональ» (французская разведка. — **И. Л.**) состряпает хорошенькое дельце для того, чтобы можно было легче арестовать коммунистов...» Жарден находится в Ла Тур де Пейльс, там же, где проживает махровый предатель Жорж Боннэ — тот самый, который, занимая в правительстве Даладье пост министра иностранных дел, изо всех сил работал на гитлеровцев.

Вся грязная компания субсидируется крупными финансистами из Франции, которые в свою очередь связаны с американцами.

Даже при самом беглом ознакомлении со Швейцарией бросается в глаза несоразмерно большое для этой страны количество всевозможных международных организаций, ассоциаций, лиг, бюро, союзов, обществ, занимающихся здесь всевозможной и притом весьма подозрительной «деятельностью». Впрочем, многие из такого рода вывесок служат лишь ширмой, за которой скрываются фашисты и отпетые авантюристы. В качестве примера достаточно указать на так называемый «Союз европейских федералистов»; его штаб-квартира находится в одном из дворцов, в самом центре Женевы, и орудуют в нем реакционеры—выходцы из разных стран. По сведениям печати, «союз» связан с деголлевцами и некоторыми правыми социалистами.

Не следует, конечно, считать простой случайностью тот факт, что активизация всех этих реакционных групп, союзов, обществ в Швейцарии совпала с усилением наступления американских монополий в Европе и других частях света. Сразу же после окончания войны находящиеся в Швейцарии преступные элементы притаились, так как опасались, что их сурово покарают за все совершенные ими злодеяния, за сотрудничество с гитлеровцами, за предательство родины. Но вскоре они обнаружили, что могут безнаказанно укрываться на фешенебельных швейцарских курортах. Время шло, и вот фашисты, обнаглев еще больше, уже решили: настала пора активно включиться в борьбу реакции против демократии в Европе, твердо держа ориентацию на США. Осуществить такого рода «перестройку» они сумели очень быстро и легко. Да и местные власти явно подчеркивают свое сочувственное отношение к расплодившимся на территории Швейцарии реакционным профашистским организациям, если последние хотя бы в малейшей степени связаны с заокеанскими монополиями.

Вот почему можно констатировать, что на территории Швейцарии сходятся нити заговоров международной реакции, затаившей звериную злобу против всего прогрессивного, демократического в Европе и во всем мире.

ЖЕНЕВА

А. СТАРЦЕВ

Заклинатель времени

... старичок торгует ядом...
ПУШКИН.

Если бы кто-нибудь взял на себя труд представить в форме графика эволюцию известного английского писателя Олдоса Гексли, он получил бы кривую, весьма характерно отражающую развитие новейшего буржуазного декаданса в целом. Гексли начал свою карьеру после первой мировой войны, как эстет и проповедник гедонизма; он заканчивает свою карьеру, как проповедник религии и мрачный гонитель разума. Сперва он не верил ни во что, кроме своей плоти, и на этом основании буржуазная критика провозглашала его «самым блестящим скептиком XX века»; сейчас он не верит ни во что, кроме своей «души», и та же критика умиляется «мистической глубине» его писаний. При этом следует подчеркнуть, что все интеллектуальные похождения Олдоса Гексли происходили за высокой стеной высокомерного и непоколебимого индивидуализма. Тело и душа подавляющего большинства человечества очень мало занимали Гексли. Он никогда не интересовался жизнью народа ни в собственной стране, ни в других странах.

Не так давно Олдос Гексли опубликовал трактат под названием «Наука, свобода и мир». На суперобложке книги издатели уверяют, что автор в своем сочинении указывает человечеству, как спастись от материальной нужды и как избегнуть угрожающих ему войн. Всякая попытка западного писателя разобраться в противоречиях современного мира заслуживает внимания, но Гексли, выступающий в роли печальника народных интересов, может внушать только недоверие. Действительно, очень быстро обнаруживается, что книга Гексли написана со специальной целью — раз'яснить читателю, что причина всех бедствий человечества не в господстве эксплоататорского строя, увековечивающего нищету, и не в агрессивных замыслах империалистов, готовящих новые войны. Причина бедствий лежит в научном материализме и в борьбе масс за социальный прогресс. Спасение же человечества — в замене поисков социальной справедливости поисками религиозного мировоззрения.

Это открытое выступление Гексли с мракобесной защитой капитализма как бы подводит итог его пропагандистской деятельности за последние десять лет.

В канун войны с фашизмом Гексли занял позицию так называемого «интегрального пацифизма», то-есть полного отказа от сопротивления врагу. Это детище Мюнхена известно по скандальному лозунгу, выдвинутому французским единомышленником Гексли, тоже «интегральным пацифистом», Жаном Жионо: лучше быть живым немцем, чем мертвым французом. Проповедь непротивленчества в предвоенном романе Гексли «Слепой в Газе» имеет исключительно пошлый характер. «Вы не должны ненавидеть своих врагов, — поучает в романе непротивленец Миллер,— полюбите их, и они окажутся достойными любви». Перед лицом фашистской агрессии эти гнусности были прямой пропагандой пораженчества и коллаборационизма.

Когда на Лондон стали падать немецкие бомбы, Гексли вместе со своими литературными друзьями удалился в США, «избрал своим уделом добровольную ссылку на южный берег Калифорнии», как выразился не без юмора английский писатель Пристли.

В США Гексли и его друзья развили деятельную пропаганду среди интеллигенции за отказ от общественных интересов и уход в мистику. Гексли усиленно популяризирует индуистскую религиозно-мистическую литературу и сам пишет в этом духе. Выступая в дискуссии по поводу роли писателя в социальной борьбе, Гексли заявил, что единственная задача, достойная внимания современного художника, это «познание сверхчувственных ценностей и воплощение их в искусстве».

Незадолго до конца войны Гексли выпустил программный роман «Время должно остановиться».

В этом романе читатель знакомится с образчиком «воплощения в искусстве сверхчувственных ценностей». Один из персонажей Гексли умирает, после чего продолжает участвовать в действии романа уже в качестве представителя «того света».

Однако был бы простаком тот, кто поверил бы в «святость» намерений Олдоса Гексли. Он разоблачил себя как прямой агент реакции, заявив, что считает пустым делом создание произведений о «несправедливостях империализма» или об «утопиях грядущего». Действительно, главный идейный заряд романа обнаруживается в его публицистической части. Это отрывки из дневника героя книги писателя Себастиана Барнака, относящиеся к нашему времени. Основные мысли дневника Барнака те же, что Гексли излагает от своего лица в «Науке, свободе и мире», почему их и полезно рассматривать вместе. Человек должен «выключиться из времени», отказаться от идеи социального прогресса — вот лейтмотив размышления Барнака—Гексли, отраженный в названии романа «Время должно остановиться». Надежда людей на лучшее будущее, вера в социальный прогресс подвергаются в обеих книгах бешеным нападкам. Ждите лучшего будущего,—издевается Гексли, — только вам его не дождаться.

Требование Гексли прекратить общественную борьбу во имя «спасения души»— есть прямая помощь реакции. Его призывы, якобы продиктованные «тревогой о мире, науке и свободе», направлены против мира, против науки и против свободы. Его «сочувствие народу» лицемерно, ибо на самом деле он относился и продолжает относиться к народу с величайшим пренебрежением.

Страхи, владеющие Олдосом Гексли, не являются его личными страхами. Его настроения в высшей степени характерны для современной буржуазной культуры. Истерическая боязнь социального прогресса и отчаянный крик — «Время должно остановиться!» — выражают общий страх обреченного эксплоататорского порядка и связанных с ним классов перед мерной поступью истории. Время работает против них, — так надо остановить время! Мистические верования Олдоса Гексли, очевидно, заставили его несколько преувеличить свое могущество как заклинателя календаря. Но гримасы новейших буржуазных колдунов могут вызвать только улыбку. Простые люди во всем мире не имеют повода опасаться поступательного хода истории. На заклинания идеологов буржуазного порядка они могут ответить бесстрашными словами, рожденными культурой социализма: время, вперед!

A'dous Huxley. „Science, liberty end peace". London. Chatto and Windus. 1947.

ПОПРАВКА

В номере 52 «Литературной газты» от 30/VI—48 г., в статье Л. Дмитриева «Угодническая критика» вкралась ошибка.

В 3-м абзаце 2-й колонки следует читать: «А. Реформатский приписал Ленину гегелевское положение...» и далее, как в тексте.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИГИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02613.